

Валерий Поволяев

НОЧНОЙ НАРУШИТЕЛЬ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Валерий Поволяев

Ночной нарушитель (сборник)

«ВЕЧЕ»

2017

Поволяев В. Д.

Ночной нарушитель (сборник) / В. Д. Поволяев — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-7106-3

Охрана границы, по словам Расула Гамзатова, – понятие круглосуточное. Пограничники всегда находятся на работе, иное боевое дежурство не уступает схватке в серьезном бою, – они всегда на посту, на передовой. А еще пограничники каждую минуту должны чувствовать, как важна и необходима их работа для страны, которую охраняют, и совсем неважно, где они несут службу – в холодном Баренцевом море, как экипаж сторожевика «Троя», или на самом востоке России, как лейтенант Александр Коряков. Главное для них – готовность исполнять свой долг... Новая книга признанного мастера отечественной остросюжетной прозы.

ISBN 978-5-4484-7106-3

© Поволяев В. Д., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

НОЧНОЙ НАРУШИТЕЛЬ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерий Поволяев

Ночной нарушитель

© Поволяев В. Д., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

НОЧНОЙ НАРУШИТЕЛЬ

31 декабря. Застава № 12. 9 час. 55 мин. утра

Морозным туманным утром лейтенант Коряков принес на заставу маленького камышового кота – совсем крохотного, сморенно скулившего, несчастного, с круглыми желтыми глазами, залитыми слезами, малыш плакал от того, что замерз, чуть не погиб. Живой комочек трясся, маленькие капельки сыпались из глаз прямо на вытертый линолеум пола.

Котенка Коряков принес в шапке, сам по морозу шел с непокрытой головой. Он извлек котенка из шапки, положил его на пол рядом с печкой, некоторое время котенок лежал неподвижно, будто мертвый, только кисточки на его ушах слабо шевелились, потом малость ожил, приподнял мокрую от слез мордочку и попробовал подняться на лапы, но лапы не держали его – слишком слаб был маленький зверек.

– Ах ты... бедняга, – произнес лейтенант сочувственно и помчался на кухню к поварихе тете Дине. Тетя Дина хоть и прожила всю жизнь на заставах, в «свет» никогда не выезжала, а готовить умела знатно, не хуже, чем во Владивостоке или в Хабаровске – научилась! Муж ее, старшина, заведовал на заставе хозяйственными вопросами, был мастером на все руки, на свете не существовало такого механизма, в котором он не смог бы разобраться и починить.

И вообще он умел многое – умел лечить людей и зверей без всяких лекарств, варить суп из топора и гвоздей, заговаривать язвы и открытые раны, стрелять из обыкновенного швейного наперстка, подманивать птиц, тачать сапоги без шила и дратвы, принимать роды, говорить по-китайски, клеить без клея и так далее. Фамилию он имел самую распространенную в России – Иванов. А тетя Дина была, соответственно, Ивановой.

– Тетя Дина, дай немного молока, – попросил лейтенант у поварихи, показал ей два пальца, сведенные вместе, – хотя бы вот столько...

Коряков был для тети Дины начальником – замкомандира по воспитательной работе, вот-вот должен был повыситься в звании и получить третью звездочку на погоны, ему можно было отпускать молоко без всяких вопросов, но повариха от вопроса не удержалась:

– Для кого молоко, Сань?

– Котенка камышового принес, на берегу Суйфуна нашел... Для него.

– Охо-хо, хе-хе-хе! Ах-ах-ах! Уф-ох-уф! – тетя Дина запричитала, завсплескивала руками и немедленно выдала лейтенанту молоко. Целых полкружки.

Коряков поспешил к котенку, налил молока в маленькую плошку, придвинул посудину к кошащему носу.

Котенок ожил, повел мордочкой в одну сторону, потом в другую и окунул нос в плошку.

– Товарищ лейтенант, откуда кот? – поинтересовался Лебеденко, один из первых оформившихся служить на заставу контрактников, плечистый, с задумчивым прищуром тяжелых серых глаз, и накрыл котенка большой ладонью.

Котенок исчез под ладонью целиком, лишь из-под обшлага куртки высунулся кончик хвоста и тут же исчез.

Лейтенант отряхнул шапку, натянул ее на голову. Ответил солидно, наполовину некра-совской строчкой:

– Откуда, откуда... Из лесу, вестимо!..

Котенка лейтенант нашел в камышах, примыкавших к тропе, по которой ходили пограничники, проверяя систему, иначе говоря – инженерную линию, помогавшую охранять границу, мимо этой линии мало кто может проскочить незамеченным – если только муха на большой высоте, да какая-нибудь гусеница-землеройка – на основательной глубине, всех остальных система обязательно засечет. А уж нарушителя – человека, лося, кабана, «мamu» – грузную уссурийскую тигрицу – тем более. Впрочем, тигры к границе, к территории, сопряженной с

территорией Китая, стараются не приближаться, это для них – опасный номер; хотя на территории Поднебесной на всякую охоту наложен запрет – без разрешения властей нельзя убить даже муху, – «маму» добропорядочные тамошние граждане уコントрапутят и даже не поморщатся.

Слишком уж ценный зверь для них – «мама», из «мам» делают очень дорогие снадобья, позволяющие вытаскивать человека с того света, перебрасывать его на этот свет, в дело идет все, даже кончик хвоста, усы и брови, не говоря уже о жилах, костях и самом мясе.

Разные звери были засечены пограничной системой, но «мама» не была еще зафиксирована ни разу, хотя «сработки» – сигналы тревоги, подаваемые системой, случались иногда по пять-шесть раз на день. Тигры здесь не появлялись никогда и вряд ли в ближайшие годы появятся.

Покрутив недоверчиво головой, котенок перестал дрожать и начал медленно лакать молоко.

– Поздравляю личный состав заставы с прибавлением, – торжественно произнес Коряков. – В канун Нового года – это то, что нам надо... Ну что, Лебеденко, берем котенка на довольствие?

– Так точно, берем!

31 декабря. Застава № 12. 14 час. 35 мин.

К Новому году, к празднику, солдаты приготовили концерт.

Оказалось, что лейтенант Коряков умеет хорошо играть на саксофоне, – саксофон он привез с собою на заставу из дома, футляр с инструментом спрятал в одежный шкаф, в темный угол – считал, что саксофон и должность заместителя начальника заставы по воспитательной работе несовместимы, заставка – это дело серьезное, ответственное, а саксофон – нечто легкомысленное, не внушающее особого уважения, но предстоящее празднество заставило Корякова изменить точку зрения.

Он помял пальцами кожу на щеках, покрытых редкой порослью – полупушком-полущетиной, недовольно шевельнул ртом: хотелось быть взрослее. А двадцать два года – это возраст, еще слишком малый для солидного человека. Лейтенант вздохнул, залез в платяной шкаф и достал саксофон.

Невысокий, подвижный, Коряков походил на гимнаста, словно бы только что сошедшего с плаката, посвященного Олимпийским играм или чему-нибудь еще в этом роде...

Вхолостую пробежавшись пальцами по пяточкам-клавишам саксофона, Коряков склонил голову к плечу, замер – он словно бы слушал звуки, которые не слышали другие, поработал мизинцем, давя на нижнюю серебряную пуговку, затем выровнял голову и заиграл. Тихо заиграл, только для самого себя, слушая переходы от одной музыкальной строфы к другой и удовлетворенно покачивая головой... Мелодия была печальной.

Конечно же лейтенанту хотелось жить в крупном городе, видеть больше людей, а не замыкаться в одном маленьком коллективе, где каждый человек может надоесть до икоты, пардон, общаться с красивыми девушками, которых, кстати, становится все больше и больше, словно бы Россия вошла в стадию некоего преобразования, хотя это совсем не так, – впрочем, лейтенант Коряков не хотел бы влезать в дискуссию, имеющую политическую окраску, мысль о том, что жизнь проходит мимо, иногда возникала у него в голове, но лейтенант вышибал ее из себя буквально кулаком и делался недовольным самим собою.

Не прерывая мелодии, лейтенант скосил глаза в окно, на большой голубоватый сугроб, шевелящийся в холоде – по сугробу словно бы пробегали слабые красноватые искры и стремительно гасли, – приближался вечер. Последний вечер уходящего года. Так хочется отметить его достойно, где-нибудь в кафе, с танцами-шманцами-обжиманцами, а он отмечает его на заставе, в глуши, среди снегов и сохлого камыша, в двух сотнях метров от Китая, который то в друзьях

ходит, то во врагах, то рядится в образ некого шатуна, затаившегося среди сугробов, то, напротив, становится рубахой-парнем, готовым отдать русскому «ламозе» последнюю лепешку...

В разные годы разными были китайцы, в разных людей превращались. Если китайцы звали русских ламозами, то русские китайцев ходями. Еще – чумизой, бачками. Привыкли бачки перемахивать на эту сторону границы, как к себе домой.

Хотя знают, что тут побегать и покуролесить не дадут – живо накроют. И даже по шее накостылять могут.

Коряков вновь приладил к губам саксофон, дотянул сложную печальную мелодию до конца, затем отложил инструмент в сторону...

31 декабря. Застава № 12. 15 час. 10 мин.

Была у лейтенанта девушка. В городе Уссурийске. Жила она недалеко от китайского рынка, в старом, двухэтажном, времен атамана Калмыкова доме, любила бегать на танцы и смотреть западные приключенческие фильмы.

Познакомился с ней Коряков случайно – приезжал в Уссурийск за лекарствами для заставы, набрал целую коробку различных пилюль, конфет-сосалок, сладких детских микстур, с которыми подручно было лишь пить чай, но потом выяснилось, что микстуры эти – серьезные лекарства; снадобий набралось столько, что они не влезли в коробку, и заведующая аптекой, дородная усатая тетка прокричала, зычным голосом в пространство:

– Лена!

И хотя крик рассыпался, врезавшись в кирпичный угол аптечной стены, Лена услышала его и не замедлила предстать перед ясными очами «шефши».

– Леночка, помоги красному командиру обвязать ящик скотчем. Иначе вместо лекарств он доставит на заставу лишь одни обертки.

Язык у «шефши» был острый. Корякову показалось, что дама даже язвительно ухмыльнулась себе в усы.

Лена подскочила к покрасневшему лейтенанту, обхватила коробку руками, приподняла ее.

– Тяжелая. Солдаты у вас не служить будут, а лишь есть лекарства. Тут пилюль хватит на весь город Уссурийск. А миктур – и того больше.

Язык у Лены, похоже, был таким же острым, как и у ее «шефши». Коряков покраснел сильнее, ему показалось, что он сейчас поплывет, замкнется, поугрюмее, как это часто бывает с людьми, не привыкшими общаться накоротке с таким «деликатным» материалом, как женщины, но Коряков справился с собой и проговорил весело, стараясь, чтобы голое его не дрожал:

– Хорошеньким девушкам запрещено поднимать тяжести.

Услышав эту философскую «сентенцию», «шефша» крякнула в усы:

– Лен, а красный командир – не промах. Будь с ним осторожна. Иначе утащит тебя на заставу и будешь вместо столицы Уссурийского края сидеть в какой-нибудь дыре, в которую даже электричество не проведено, и заучивать позывные местной радиостанции, чтобы подать сигнал, когда шпион ползет на нашу сторону.

Лена засмеялась.

– За меня не беспокойтесь. Уцелею!

«Шефша» крякнула вновь:

– Мое дело – предупредить. – «Шефша» выпрямилась во весь свой гвардейский рост и, будто военный корабль, уплыла в свою законную гавань: директорский кабинет.

Лена принесла моток широкого желтоватого скотча, обмотала им коробку, из скотча же слепила ручку, чтобы коробку было удобно нести, и помогла погрузить медикаменты в уазик.

Когда прощались, Коряков, краснея, как школьник, проговорил:

– Лена, вас можно угостить чашкой кофе?

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

– Прямо сейчас – нет. Давайте в следующий раз.

С той поры, если возникала надобность съездить в Уссурийск, лейтенант, имевший право сопровождать машины, старался не упускать такую возможность.

Лена работала в аптеке посменно, через раз, и две поездки лейтенанта оказались пустыми, – на вопрос Корякова, можно ли увидеть Лену, из кабинета шумной скирдой выплывала «шефиня» и, топорща усы, говорила лейтенанту:

– Если хотите, молодой человек, подождите до завтра. Аптека открывается в восемь тридцать утра, Леночка на работу обычно не опаздывает, приходит вовремя. Может, вам постелить коврик на крыльце – переночуете... А?

Лицо лейтенанта покрывалось красными пятнами, он не знал, что ответить «шефше», а потом, «шефша» ему в матери годилась, – топорщила усы и делалась похожей на «дедушку русской авиации» господина Жуковского. Правда, без бороды. Конечно, в конце концов лейтенант мог найти нужные слова и ответить достойно – голова у него была вполне добротная, без дырок, но смущало одно – возраст «шефши». Люди в таком возрасте считают, что имеют право подсмеиваться над кем угодно, даже над Керенским, пардон, а вот их подкалывать не может никто, ни один человек. И очень обижаются, когда их кто-то поддевает.

– Блох в вашем коврике, наверное, полно, – лейтенант пренебрежительно фыркнул и покинул аптеку.

«Шефша» озадаченно смотрела ему вслед и топорщила усы.

Промашнувшись раза два, Коряков наконец угодил точно на Лену. Она сидела на месте дежурного провизора, тонкая, гибкая, какая-то очень домашняя, близкая, Корякову показалось, что он знает ее давным-давно.

Увидев лейтенанта, Лена улыбнулась смущенно и одновременно обрадованно.

– Леночка, кофе готов, уже стынет, – сказал лейтенант, сделал Лене легкий поклон – прошу, мол...

Лена смутилась.

– Что, есть какой-то повод?

– Есть, меня сегодня представили к званию старшего лейтенанта.

– Поздравляю.

– Тьфу-тьфу-тьфу! – Коряков поплевал через левое плечо. – Поздравлять еще рано, но кофе выпить можно.

– Хорошо. Я только у Ирины Исаковны отпрошусь.

Значит, «шефшу» звали Ириной Исаковной.

Ирина Исаковна, легка на помине, не замедлила высунуться из своей двери – она находилась совсем рядом, – окинула критическим оком лейтенанта и, произнеся хрипловато «Ну-ну», вновь скрылась в двери. Лена скрылась следом.

Через минуту вышла с виноватой улыбкой, – у Корякова даже сердце защемило: не отпустила Лену эта унтер-офицерша, – но нет, все было тип-топ, у Лены на правой щеке от улыбки образовалась милая ямочка:

– Пошли, господин офицер!

– У нас, у армейских, господ нет, у нас – товарищи.

Лена снова улыбнулась.

– Мне слово «товарищ» нравится гораздо больше, чем «господин». От «господина» веет холодном ветром, от «товарища», – Лена красноречиво развела руки в стороны, – как бы ни изгалялись господа демократы, – теплом.

Они шли по заснеженной, сплошь в резких синих прочерках улице, – солнце било косо, из-за деревьев, оставляло длинные яркие тени. Коряков косил глаза на девушку, ощущал

внутри тревожное тепло: он верил и не верил одновременно, что эта красивая девушка имеет отношение к нему, идет рядом с ним. Может, она просто обгоняет по тротуару невысокого мрачноватого лейтенанта, сейчас уйдет вперед и навсегда исчезнет из вида... И из его жизни.

Этого лейтенанта Коряков боялся.

Большая часть кафе в Уссурийске еще не работала, в остальных сонные официантки лениво позевывали, сидя за столиками, ожидая клиентов, а точнее – вечера, вместе с ним – притока молодых говорливых людей с толстыми кошельками – продавцов китайского рынка.

Когда придут «бравые китайские парни», рекой польется все, и ханжа – рисовая водка, привезенная по железной дороге из Харбина, и деньги – не рубли, не юани, а американская зелень, – тогда лица дам расплывутся в потрясенных улыбках.

Впрочем, про женщин, которые обожают «бравых китайских парней», начальник коряковской заставы капитан Шемякин говорил, что в них его восхищает одна черта...

– Какая?

– Та, которая делит задницу на две половинки.

Шагая по тротуару. Коряков даже ладонь прижал к губам – не дай бог эта фраза сорвется с языка... На щеках у него появился темный стыдливый румянец.

Они зашли в кафе, вход в которое украшали золоченые китайские фонари.

– Здесь немного дороже будет, чем в других местах, но качество отменное, – сказала Лена.

– О деньгах не беспокойтесь, Леночка. – Корякин махнул рукой, жест был беспечным, совершенно не свойственный лейтенанту. – Деньги у меня есть.

Лена отнеслась к этому легкомысленному заявлению иронично:

– В наше время даже то, что получают генералы, нельзя назвать деньгами, – сказала она.

Коряков сделал рукой неопределенный жест, собираясь предстать в роли Гарун-аль-Рашида, хотел что-то сказать, но не нашелся, лишь помял пальцами воздух и сказал:

– Я предлагаю выпить шампанского.

– По принципу: с утра выпил – и весь день свободен?

Лейтенант чувствовал, что он теряет от этой девушки голову, еще немного – и закувыркается совсем, станет ее рабом... Если, конечно, ничего не случится.

– Леночка, откуда вы родом? – спросил он, ощущая во рту некую непривычную сухость. – Вы здешняя?

– Нет, не здешняя. Я из Благовещенска. Слышали про такой город?

– Естественно. Там, кстати, стоит большой погранотряд.

– Ну, само собою разумеется. Россия – родина слонов, кривых дорог, вечнозеленых помидоров и больших погранотрядов.

– Я не про это, Лена.

– И я не про это.

От шампанского отказались, кофе оказался жидким, припахивал чем-то – то ли мышами, то ли плесенью. – но Лена даже огорчаться не стала по поводу плохого напитка, выпила чашку до дна, потом перевернула ее на блюдце.

– Самое верное гадание – на кофейной гуще, – сказала она, – гораздо вернее карт.

Через несколько минут она посмотрела на результат и произнесла довольно:

– О, товарищ лейтенант, вас ожидает повышение по службе.

– Это я знаю. А что ожидает вас?

Вместо ответа Лена беспечно махнула рукой:

– Ну, какое может быть у нас повышение?

– А место вашей усатой горластой провизорши?

– Это место очень незавидное. То пилюль для инвалидов не хватает, то таблеток от головной боли для государственных служащих, то лекарства вдруг начинают поступать фальшивые...

– Газеты пишут, что в России ныне в аптеках более восьмидесяти процентов всех лекарств – фальшивые.

– Правильно пишут. У меня знакомые во Владивостоке, муж и жена, купили американские витамины «Центрум»... Она – лаборантка, он – научный сотрудник в техническом университете, так что возможность проверить таблетки у них имелись...

Лена неожиданно замолчала, и Коряков, не выдержав, спросил:

– И что, проверили?

– Проверили. Оказалось, все таблетки – чистейшая сода. Без всяких примесей. Даже витамина «це», которого полным полно во всех помидорах, нет.

– А если завернуть витамины назад американцам? Упаковать в белую бумагу и отправить по почте?

– Американцы здесь не при чем. Виноваты наши отечественные жулики. Сидят где-нибудь в подвале на Светланской¹ и штампуют витамины на коленке. Еще этим любят заниматься наши дорогие соседи – корейцы и китайцы.

– Об этих деятелях у нас в погранвойсках знают больше всех. Обмануть ламозу для них – святое дело.

– Что такое ламоза?

– Так китайцы зовут русских. Еще – лосян. В переводе – «старый друг».

– В Благовещенске китайцев много, – сказала Лена, – в Приморье, по-моему, меньше. Раньше население относилось к китайцам с симпатией, сейчас люди их начали бояться.

Лейтенант знал об этом – и от отцов-командиров слышал, и от подчиненных, и в газетах читал, и знакомые рассказывали, понимал, отчего такое происходит, но тем не менее спросил:

– Почему начали бояться?

– Ну, например... На набережной Амура китайцы построили несколько роскошных домов, действительно роскошных, какие, например, не строят даже в Европе... – Лена покосилась на официантку, скрывшуюся за занавеской и попросила: – А что, если мы еще возьмем кофе?

– Нет проблем! – Лейтенант подобно герою какого-нибудь западного сериала, громко пощелкал пальцами.

Официантка незамедлительно высунулась из-за занавески.

– Еще кофе, – сказал ей Коряков.

На лице официантки вспыхнуло и погасло разочарование: она думала, что офицер этот – богатый клиент, способен поутру сделать обильный заказ с икрой и заморским бренди, а он оказался голю перекатной, полулейтенантиком...

– Сей момент, – произнесла она язвительным тоном и вновь исчезла за занавеской.

– И что дальше? – спросил у Лены Коряков.

– Однажды благовещенские мужики, находясь в добром настроении, подошли к китайцам и сказали: «Молодцы, собраты по бывшему социалистическому лагерю, хорошо научились строить!» Те посмотрели на них хитро и сказали в ответ: «Для себя ведь строим...» Вот так! Что бы это значило, товарищ лейтенант?

– Что? – болезненно ощутив, что он враз сделался тупым, спросил Коряков: вопрос-то – политический, а людям в погонах запрещено заниматься политикой.

Лена засмеялась и произнесла простецки, будто они с Коряковым были давным-давно знакомы:

¹ Одна из центральных улиц Владивостока.

– Хватит придуряться, товарищ лейтенант!

Коряков смутился.

– Да я не придуряюсь. Мне известны факты куда более жесткие. Перед ними все эти строительные штуkenции – обычные игрушки из песка.

– Мой дедушка, например, заявил мне открыто, что он не хотел бы, чтоб его использовали вместо тука и рассыпали на полях как удобрение.

Коряков и об этом – о туковых страхах, – слышал, на заставе не раз говорили, что половина русских, перешедших к китайцам вместе с землей, вряд ли сгодится им для дальнейших преобразований и жизни под их знаменем, поэтому люди эти пойдут на удобрения.

Официантка принесла им еще две чашки мутноватого теплого напитка.

– Это же не кофе, а вода, слитая из ржавой батареи, – усмехнулась Лена.

– А чего? – официантка приподняла одну, острой стрелочкой подбритую бровь. – Коричневая вода – и ладно. За такие-то деньги... – она хмыкнула и уточнила: – За такие деньги вообще ничего не подают.

Лена усмехнулась вновь и ничего не сказала официантке, когда та отошла от столика, произнесла задумчиво:

– Впрочем, кое-кого надо превратить в тук. Ущерб для общества не будет никакого.

Вообще-то в сегодняшней слабой России, пережившей ельцинскую революцию, – а потери в этой, на первый взгляд шутовской революции оказались больше, чем в революциях великих, настоящих, – вряд ли найдется сила, которая сможет остановить китайцев, если те вздумают пойти на нашу территорию. Никакое оружие не сделает этого, все оно, раскалившееся, потечет, потекшие стволы придется выбрасывать: китайцы кого угодно задавят своей массой.

Их много. Очень много. Человеческий мозг не в состоянии освоить, осознать, понять это число.

Впрочем, китайцы избрали другой путь. Путь завоевания совершенно бескровного: с огромными тюками дешевой одежды они появляются на нашей территории в неограниченном количестве, пристраиваются в лавках, в торговых рядах и точках в качестве бессловесных работяг-продавцов, подносчиков товара, уборщиков, подметальщиков, зачищальщиков, потом находят какую-нибудь одинокую русскую бабенку и женятся на ней. Когда рождается ребенок, то он уже наполовину – китайчонок...

Так куется геополитика.

Государство китайское таких «геополитиков», говорят, поощряет – подкармливает деньгами, льготами и разрешает иметь детей вдвое больше обычного – вместо одного, разрешенного в Китае по закону, – двух. Вот китайские граждане, имеющие хорошую военную выправку, что само по себе наводит на определенные мысли, и горбятся под тяжелыми вещевыми сумками, возят из Поднебесной плохонький, годный лишь для мусоросборников товар и осваивают необжитые русские пространства. Заодно прихватывают простодушных русских баб, имеющих лишь два рабочих агрегата – перед и зад. Грубо, конечно, но... Лена к таким женщинам не относится, это ее не касается.

Когда-то, еще не надев на плечи лейтенантские погоны, в пограничном институте, Коряков слышал, что женщины в отличие от мужчин – особы внеземного, космического происхождения. Потому они и совершают такие необъяснимые, не поддающиеся логике поступки, потому и выходят замуж за китайцев, потому и рожают узкоглазых, с черными живыми угольками, обрамленными пушистыми ресницами ребятишек, чтобы в будущем старинные русские земли сделались китайскими. И никакого оружия применять не нужно.

Лена задумчиво помешала ложкой в кофейной чашке.

– Я знаю, если китайцы придут со своей туковой программой, то я убегу. Но вот дедушка... Отец... Отца мне особенно жалко, он бегать не умеет. – Лена быстро, залпом

выпила кофе и, отвернув рукав кофточки, глянула на часы. – Ой, мне пора! Ирина Исаковна у нас начальница такая... без укропа съест. С одной солью.

Опять эта усатая «шефша»! Везде ее след, куда ни глянь – всюду ее запах. Коряков поспешно вскочил из-за стола и также глянул на часы.

Чем славился Уссурийск на весь Дальний Восток? В городе всегда стоит хорошая погода. А зима, та просто бывает отменной, – с мягким и искрящимся на солнце снежными плетями, в которые превращались ветки деревьев, с горластыми неунывающими воробьями, с высокими сугробами, в которые завалиться – одно удовольствие, и розовым небом, украшенным облаками, похожими на некие челны, плывут челны, плывут – одни в одну сторону, другие в другую, хотят посоревноваться, кто быстрее, да не могут...

В городе зимуют не только воробьи. Из тайги прилетают птицы вовсе диких – длинноклювые, с лазоревым оперением, которые одинаково быстро летают по воздуху и бегают по земле. Поют русские песни и очень музыкально щелкают клювом – народ, слыша птичью чечетку, пускается в пляс.

Хорошо зимою в Уссурийске! Летом – хуже. Летом тут стоит такая жара, что народ в собственном поту по тротуарам плавает, по улицам летают столь увесистые слепни, что запросто вышибают ветровые стекла у автомобилей, неосторожно оказавшихся у них на пути...

Коряков проводил Лену до дверей аптеки, церемонно поклонился.

– А ты славный, – неожиданно на «ты» произнесла Лена, коснулась варежкой его щеки, и жест этот заставил сжаться сердце лейтенанта в сладкий комочек. А еще больше на него подействовало, что Лена назвала его на «ты».

Ощущая, что у него горячим костром вновь запыхали щеки, Коряков еще раз церемонно, будто граф какой, поклонился.

31 декабря. Застава № 12. 6 час. 30 мин.

Все это он вспоминал сейчас, находясь у себя в жилой комнате, держа в руках саксофон с серебряным мундштуком и озабоченно поглядывая в забусенное густым инеем окошко. До встречи Нового года времени оставалось немного.

В окошке, в чистом прогале была видна небольшая, занесенная снегом могилка, будто бы здесь, на заставе, был похоронен чей-то ребенок. Но похоронен был не ребенок, а удачливый и умный пес Филипп. На счету Филиппа числилось более сотни задержанных нарушителей – ни одна собака в пограничном округе не могла угнаться за Филиппом по части ловкости, проворства и умения сбить врага с ног. О Филиппе знали и в Китае, и в Японии, и даже в Канаде. Говорят, имя пса мелькало не только в донесениях китайских пограничников, но и в секретных учебниках и в различных пособиях по заброске агентов в Союз.

Филипп благополучно состарился, был посажен на пенсионное довольствие, а потом похоронен с воинскими почестями. Не всем ветеранам, награжденным боевыми орденами, уготована такая почетная участь. Бедные ветераны! Когда Коряков видит их, у него что-то теплое, обиженное подступает к горлу и ему хочется заплакать: уж что-что, а жизнь на уровне поискового пса Филиппа они себе заработали. Но нет, судьба у собаки оказалась лучше, чем у них...

Темнота надвинулась на заставу быстро – на западе еще горела узкая оранжевая полоска заката, а помещения заставы уже накрыло плотное черное одеяло.

Когда-то в каменном кирпичном здании, где ныне располагаются и канцелярия, и казарма, и столовая, находился таможенный пост, сурово каравший здешних контрабандистов.

Таможенников не раз пытались выкурить отсюда, но ничего из этого не получалось – ни у китайцев, ни у японцев. Какими бы плотными рядами они сюда ни лезли.

Раньше застава эта называлась «Полтавкой» – по имени недалекой деревни, – дружила она и состязалась – по части того, кто больше задержит нарушителей, – с другими заставами, также носившими старые имена: «Веселый ключ», «Волынка», «Сосновая», «Турий рог», «Рас-

сыпная падь». Сейчас эти названия остались только в документах, да в памяти долгожителей – все заставы переименованы, от «сельского» прошлого не осталось ничего.

Только буковки, да цифирьки... На здании таможни, например, было выложено приметно, крупно, 1864 – год, когда было возведено это капитальное здание. Многие видели эти темные закопченные кирпичи и как могли защищали людей, на них появлялись, говорят, слезы, когда им не удавалось этого сделать.

Недалеко от заставы протекала сонная река Суйфун, по-нашенски Раздольная, сейчас она завалена снегом, дремлет подо льдом, но по весне свой дурной нрав покажет обязательно.

Раньше в Суйфун заходила даже рыба калуга. Рыбины плавали огромные, как боевые катера, одну рыбу надо было есть целой заставой не менее полугода, – вес случалось, достигал двух тонн, чтобы съесть такую дуру, нужно было обладать превосходным аппетитом и многими другими выдающимися качествами.

Но то было раньше. А сейчас калуга перевелась, нет ее не только в Суйфуне – нет даже в Амуре. Говорят, виноваты леспромхозы. Раньше эти хозяйства лишь заготавливали древесину, сплавляли ее, а сейчас стали перерабатывать. И куда же отправляет грамотный современный люд стружку, опилки, щепу, как вы думаете? Правильно, в реки, в воду.

А у огромной бревноподобной калуги оказались очень нежные, очень уязвимые жабры, опилки набивались туда плотно, не продохнуть, и рыба задыхалась. Великая древняя рыбина погибала от каких-то пустяков.

Уму непостижимо: здоровенное существо, способное хвостом расколотить в щепки паровоз и какая-то мелкая древесная пыль, тьфу на мокром месте. Коряков поморщился, будто сам хватил ртом влажных разбухших опилок, даже больно сделалось. Чтобы избавиться от этого, надо было подумать о чем-нибудь хорошем. Он подумал о Лене, и ему показалось, что по всему помещению, над головой, по сторонам, стремительно заполняя пространство, разлился нежный розовый свет.

31 декабря. Застава № 12. 23 час. 47 мин.

Праздничный вечер удался. В углу канцелярии была установлена елка – живая, зеленая, ни одной пластмассовой хвоинки, с двумя мигающими гирляндами и игрушками, которые привез из Владивостока капитан Шемякин – личный подарок генерала Комисарчука, который когда-то служил в их отряде и до сих пор питает особую привязанность к заставе, стоящей на реке Суйфун. И сейчас, будучи заместителем командующего округом, старается не забывать о родном отряде, – с мягкими хлопушками и блестящими фольговыми шарами, – елка производила впечатление. Бойцы фотографировались рядом с ней на память.

Елка удалась. И концерт удался. После концерта бойцы неуклюже давили ботинками пол, приглашая танцевать друг друга, тетю Дину, либо связистку ефрейтора Олю Керосинову. Другая связистка, привлекательная тоненькая Оля-вторая, по фамилии Полтавская (фамилия ее совпадала с именем деревни и старым названием заставы) находилась на дежурстве в гулкой, щелкающей тумблерами, контактами, выключателями, магнитными кнопками и прочим электрическим оборудованием комнате, расположенной по соседству с канцелярией. Третья связистка ефрейторша Лада Якимова была на бюллетене – то ли грипп у нее был, то ли воспаление хитрости, то ли чирей выскочил на толстой круглой коленке...

В самый разгар танцев Оля-вторая выскочила из своей комнаты, закричала, перебивая голосом шум и танцевальные ритмы:

– Ребята! Сработка!

Сработка – дело серьезное. Сработка – это тревога. Музыка мигом смолкла, стало слышно завывание ревуна – сирены, установленной на заставе. На сработку обычно выезжают все люди, которые находятся на заставе, кроме, может быть, поварихи, дежурного по связи и сигнализации, и больных.

Во дворе загрохотали двигатели двух «шишиг» – автомобилей ГАЗ-66, способных двигаться и по песку, и по целику, и по топям, и по снежным завалам, и по обледенелым сугробам, на которых даже зверь не способен удержаться – ветер уносит его в сторону, будто смятую тряпку.

Каждый человек, который находится на заставе, знает, что ему делать в случае сработки, куда бежать, кто у него напарник, и какое конкретно место он должен занять в кузове машины.

Коряков неожиданно ощутил, что внутри у него что-то остановилось, даже сердце перестало биться, в груди, около ключиц, заплескался холод. Он поспешно рванул дверцу своего шкафчика в канцелярии, где висела его одежда, натянул на себя пятнистый пуховик, штаны, сверху – куртку, бронежилет швырнул назад в шкаф – слишком тяжело будет, если за кем-то придется гнаться.

Он первым выскочил на улицу к фыркающей, пускающей в темное небо светящиеся колечки дыма машине, встал у заднего борта, подгоняя бойцов:

– Быстрее, быстрее, быстрее!

Если кто-то не мог с ходу взлететь в кузов, Коряков подхватывал этого человека снизу, добавлял скорости, и боец, будто фазан в весеннюю пору, мигом оказывался в машине, удивленно распахивал рот, соображая, что же с ним произошло, почему он начал летать...

Через одну минуту десять секунд «шишига» тронулась с места к воротам заставы.

31 декабря. Участок заставы № 12. 23 час. 55 мин.

Тревог таких на счету у заставы номер двенадцать было столько, что если их однажды попытаться сложить, то не только компьютер – даже безотказный механический арифмометр, который бывает прочен, как кувалда, лежащая на наковальне, сломается.

На стенах старого здания заставы, на кирпичках – полно пулевых отметин, сколов, борозд от взрывов гранат. Всякое тут бывало...

Как-то в сентябре, – дело было в двадцать девятом году, – пограничники собрались в Ленинской комнате. Играли в домино, загоняя проигравших под стол, резались в шахматы – в общем, каждый занимал время, чем мог. Днем ходили в лес, собирали орехи, пробовали даже рыбачить, но вода в реке была уже холодная, и рыба никакого интереса к наживке не проявляла, кое-где можно было найти и грибы, но среди них попадалось много червивых, а собирать червей – штука неинтересная.

В общем, народ отдыхал... За окном тем временем стал моросить мелкий злой дождик, темнота сделалась тревожной, черной, в природе что-то изменилось, словно бы примчался лютый ветер и ободрал живые деревья.

Через двадцать минут была объявлена тревога – с той стороны Суйфуна пришло сообщение: готовится нападение.

Стихли песни, перестали щелкать костяшки домино – в такой обстановке не до игр.

Первая пулеметная очередь ударила по заставе в двенадцатом часу ночи. Пули раскололи несколько стекол, погасили керосиновую лампу, горевшую в Ленинской комнате. Пулемет, установленный на чердаке заставы, дал ответную очередь.

Завязался бой – затяжной, изнурительней. Пограничников на заставе было – кот наплакал, всего одиннадцать человек. Как потом подсчитали, на каждого бойца приходилось по триста сорок налетчиков. Со стороны Китая на нашу землю пришло два полновесных батальона. Даже специалисты потом удивлялись, анализируя этот бой, – слишком уж огромный перевес был у «ходей».

Через некоторое время за пулемет лег сам начальник заставы Иван Казак, вторым номером взял к себе свою жену Татьяну. Атаки шли одна за другой, и все они были отбиты, – не удалось налетчикам смять погранцов, – не получилось.

Бой длился более двух часов, отступили белокитайцы, – налетчиков называли именно так, – когда заставе пришли на выручку конники – 78-й кавалерийский полк Красной армии и конный пограничный взвод. Среди отметин, оставшихся на стенах заставы, есть отметины и того боя. Иногда Корякову хочется взять лестницу, приставить ее к стене и ползать по отметинам, пощупать их, но он стесняется своих солдат – могут засмеять... Скажут, раскис лейтенант, в детство впал, глупостями занимается.

А допустить, чтобы над ним смеялись, Коряков не мог, не имел права на это. Существует одно правило, о котором надо всегда помнить: всякий смех низводит авторитет начальника – даже очень большого, – до нуля, более того, начальник, который попадает в смешное положение, сам становится смешон.

Потому Коряков и одолевал в себе всякое желание приставить к стене лестницу и заняться исследованием кирпичей от низа до конька крыши и наоборот...

31 декабря. Участок заставы № 12. 23 час. 57 мин.

Под колесами «шишиги» визгливо скрипел снег, стекольный скрип этот означал одно: мороз к полуночи усилился и, судя по всему, это не предел, черное небо было ясным – звездочки были видны все до единой, их словно на ладони, сосчитать можно было.

Рядом с Ковригиным сидел огромный добродушный контрактник Лебеденко, автомат в его руках выглядел обычной пластмассовой пукалкой, которыми ребятишки пугают друг дружку в детских садах, дальше расположился собаковод Володя Иванов с умной черной овчаркой Кроной, затем – старшина заставы Иванов – поварихин муж, он мог бы сегодня и не выходить, слишком большая нагрузка выпала на его долю в канун Нового года, но правило есть правило – на сработки выходят все, а дядя Леша всегда отличался дисциплинированностью, да, кроме того, он умел мастерски стрелять из снайперской винтовки.

Однажды он поспорил с заезжим спортсменом, чемпионом России по стрельбе из малокалиберной винтовки, что сделает полноценного комара, «настоящего мужчину по имени Эдик», как в том анекдоте, бесполом, взял духовку и стал поджидать дичь.

Комар вскоре появился – здоровенный, настоящий уссурийский, – Эдик, одним словом, – в полете он издавал такой противный звук, что по шее невольно начинали бегать мурашки, – дядя Леша прицелился, хлопбсь – и голос у комара сделался еще более противным, тонким-претонким...

Эдик перестал быть Эдиком, дядя Леша отстрелил ему мужское достоинство.

– А что за анекдот про Эдика? – спросил чемпион.

– Не знаешь?

– Нет.

– Летит комар Эдик над зоопарком и сворачивает к слоновнику, к слонихе Бетти. А Бетти дома нет, ушла на прогулку. «Что передать ей?» – спросил Шуня, Беттин муж. «Передай, что Эдик, хахаль, прилетал...»

Чемпион смеялся долго. Потом попробовал повторить фокус старшины и лишиться другого Эдика мужского начала... Ничего у него из затей не получилось.

Надо было видеть, с каким уважением он глядел на дядю Лешу Иванова...

Лейтенант по-мальчишески шмыгнул носом – в висках у него появилось что-то теплое, благодарное: ведь случись что – эти люди будут прикрывать его, будут вытаскивать из беды – себя не пожалеют, а его вытащат. Коряков, боясь, что солдаты засекут его внезапно повлажневшие глаза, отвернулся.

Фары «шишиги» выхватывали из темноты заснеженные, пушистые от густой белой махры ветки деревьев, машина брезентовым верхом сбивала с них густое, дорого искрящееся сеево, скрипела колесами, врубаясь в твердый, непокорный наст, и неслась дальше.

Дорога, идущая вдоль инженерной линии, всегда бывает тщательно расчищена, – расчищена была и на этот раз, иногда провода линии подступали вплотную к колее, по которой неслась «шишига», но через несколько мгновений, словно бы испугавшись чего-то, поспешно отскакивали в сторону.

Машина резко качнулась, в тот же миг остановилась. Из кузова поспешно выскочил молчаливый высокий солдат – из нового набора контрактников. Коряков не успел с ним толком познакомиться, потянул за кожаный поводок собаку – приземистую сильную овчарку с черной холкой и крупными волчьими лапами, следом выпрыгнул старый опытный служака по фамилии Герасимов, приехавший на Дальний Восток из Липецкой области. Это самое правильное дело: в пару с новичком ставить опытных бойцов – важно это и для подстраховки, и для учебы, в конце концов пусть набираются люди опыта.

Герасимов с напарником ступили в сторону и растворились в темноте, следом ночь проглотила собаку.

Машина двинулась дальше. Надо было спешно перекрыть все пути, по которым мог идти нарушитель. Чем быстрее – тем лучше. Граница-то – вот она, рядом. Стоит только перемахнуть через сонную, скрытую толстым слоем льда реку Суйфун – и вот он, Китай. А на огромных пространствах Китая можно легко спрятать целый миллион нарушителей – никто никогда их не найдет. Найти просто невозможно.

Хрипло визжал, вызывая зубную боль, снег под колесами «шишиги», подывал ветер, трепля брезентовый полог, накинутый на кузов машины, с деревьев срывались черные угрюмые птицы, разбуженные грохотом автомобильного мотора, и уносились в ночь.

«Шишига» остановилась снова. На снег из кузова выскочила очередная пара – дядя Леша Иванов со снайперской винтовкой, украшенной громоздким прибором ночного видения, за ним – молоденький боец срочной службы, дяди Лешин однофамилец, – также Иванов, бывший на заставу из Находки.

Машина двинулась дальше. Юный Иванов – из последнего набора призывников, больше ребята из призыва на заставу, наверное, уже не придут, слишком долго их надо учить, да потом, набирая этот народ в пограничники, не всегда угадаешь, то берешь или не то, очень часто попадают «коты в мешке», не видя которых, не поймешь, что за животное там сидит – кот благородной сибирской породы с дымчатым беличьим хвостом или обычный облезлый дворняжка с обкусанными усами и рваной мордой...

Другое дело – контрактники. Контрактник – это человек подготовленный. И зарплату он ныне получает такую, какую хваленые менеджеры во Владивостоке не всегда получают, обычный погранец без единой лычки на погонах имеет оклад в пятнадцать тысяч рублей (в переводе на американскую зелень – шестьсот долларов), рядовой собаковод, тот же Володя Иванов, ухаживающий за черной овчаркой, – семнадцать тысяч кар-бованцев...

Еще вчера у пограничников такие деньги получали генералы, а сегодня – рядовые солдаты. Это что-то да значит...

«Шишига» вновь остро заскрипела снегом, остановилась, в темноту выпрыгнули очередные два солдата.

Коряков покинул машину в самом трудном для здешнего служивого людя месте – на излучине реки, берег тут был опасно обрывист, если унесешься вниз, на лед, то самостоятельно уже вряд ли выберешься. На льду Суйфуна вообще может засыпать с головой и до самой весны хрен кто найдет бедолагу... Следом за Коряковым на снег выпрыгнул напарник – кряжистый, настороженно поглядывающий из-под козырька меховой шапки Лебедеенко. С ним – собака Найда.

Машина на прощание мигнула рубиновыми фонарями стоп-сигналов и исчезла.

– Внимание, Лебеденко! – предупреждающе проговорил Коряков, вытянулся свечой, напрягся, превращаясь в одно большое ухо, в один, сплетенный из тысячи чувствительных волоконцев нерв, в одно болевое пятно – надо было услышать, увидеть, засечь нарушителя...

Лебеденко послушно замер. Противно посвистывал ветер, по снегу с визгливым бабьим скрипом катилась поземка, забивала твердой крупкой все щели, с верхом накрывала кусты. Где-то далеко, на той стороне реки, залаяла и тут же сконфуженно стихла собака – чего ей лаять одной? Если уж лаять, то в компании.

Неожиданно лейтенант засек звук, который не засек его подопечный – короткий сильный скрип, который обычно бывает, когда нога наступает на что-то непрочное, покрытое скользкой ледяной коркой, корка эта лопается, будто стекло. Коряков встревоженно взглянул на напарника:

– Слышал?

– Нет, – чистосердечно признался тот.

– За мной! – скомандовал лейтенант и поспешно нырнул в воющую крутящуюся черноту новогодней ночи. Лебеденко нырнул следом.

Они были сейчас как два самолета в бою, ведущий и ведомый, ведомый прикрывал ведущего, а ведущий соответственно атаковал цель, – роли у них были расписаны до запятых, детально.

– Что там было, товарищ лейтенант? – на бегу спросил Лебеденко.

– Кто-то прошел, а кто – не пойму.

– Видели нарушителя?

– Не видел, – честно проговорил лейтенант, – только слышал.

Охлест ветра запечатал ему рот, на зубах заскрипела ледяная крошка.

Пока было понятно одно: нарушитель уходит с нашей стороны на сопредельную территорию, в Китай.

1 января. Участок заставы № 12. 00 час. 09 мин.

Знакомые звали этого человека Удачливый Ли. Он жил в центре Сеула, на берегу реки Ханган, каждое утро радовавшей его глаз своей морской ширью, серым искристым блеском воды, лодками, чайками, бегунами, неторопливо шаркающими кроссовками по набережной, цветными мостами – в городе каждый год строили по одному новому мосту, красили «новодел» в какой-нибудь цвет и называли мост соответственно этому цвету: Синий, Красный, Оранжевый, Белый и так далее.

Но главное было не это, главное – на берегу стояли рыбаки с длинными телескопическими удочками и таскали из воды здоровенных толстоспинных дурех-рыбин с обвисшими животами и розовыми жабрами: рыба в Сеуле была продуктом популярным и очень дорогим.

Бизнес Удачливого Ли распространялся на многие отрасли – он имел собственный художественный салон, где торговал живописью, картинами самыми разными – и европейской школы, и собственной национальной, корейской, и китайской «гохуа», и японской; имел дизайнерское бюро, успешно работавшее в разных направлениях: здесь делали эскизы интерьеров, стараясь заглядывать на два-три года вперед, рисовали обувь и одежду, уюги и пылесосы, яхты и игральные карты, рекламные плакаты и горшки для цветов – словом, не отказывались ни от какой работы. Друзья Удачливого Ли, люди так же, как и он, не бедные, завидовали ему: они таких лихих дизайнерских контор не имели.

И платил Ли своим подопечным неплохо – никто из них не жаловался, хотя Сеул – город небедный, хорошей зарплатой тут никого не удивить.

Неудачи Ли начались после того, как он, освоив Малайзию, Сингапур и Таиланд, решил покорить очередную экзотическую страну – Россию, но что-то не рассчитал, не учел, что-то

просто упустил, и дело его, вместо того чтобы плавно катиться в гору, с грохотом покатилося вниз, загромыhalo так, что он решил прыгнуть с подножки поезда.

Он свернул бизнес, передал его, как считал сам, в надежные руки, думал – выручит деньги, вернет после продажи потерянное, но «верный товарищ», заполучивший этот бизнес, стал кормить Удачливого Ли обещаниями, «завтраками» и «обедами»: «Давай вернемся к этому разговору завтра», «Давай созвонимся к обеду, к этому времени что-то прояснится и, вполне возможно, поступят деньги...» Вот так и катились день за днем – денег не было, были только одни обещания, да «завтраки».

Удачливый Ли решил взять на другом: ему всегда везло во всякой игре, в споре, в состязании, он словно бы был отмечен «верхними людьми», выделен из большого количества других разумных существ – везде Ли одерживал победы, даже в тех играх, в которые не играл вообще. Например, в гольф.

Он не знал, с какой стороны подступиться к клюшке, когда ее дали ему в руки. Беспо мощно повертел клюшку в руках и... обыграл матерого соперника англичанина Переса Бродди, сотрудника одной из торговых лондонских фирм. Тот даже рот распахнул от изумления и долго не мог его закрыть. Потом предложил Удачливому Ли выпить с ним виски – за счет англичанина, естественно.

Бродди был очень прижимист, иногда настолько, что у него нельзя было выпросить даже салфетку, побывавшую в употреблении, а тут он от сильного нервного потрясения настолько потерял все ориентиры, что даже забыл не только собственную прижимистость, но и свое имя.

– Мне нравится Южная Корея, – хлопнув тройную порцию виски, заявил он, – а еще больше – такие люди, как ты, Удачливый Ли...

В Хабаровске Удачливый Ли продулся совершенно безобразно – в казино не выиграл ни одного доллара. Зато спустил все, что у него было. От обиды он даже хотел прыгнуть в Амур, но благоразумие взяло верх – в Амуре сейчас очень холодная вода, и от рокового прыжка Удачливый Ли отказался.

До боли, до слез, до крика захотелось в родной Сеул. Удачливому Ли казалось, что у него вот-вот остановится сердце – и обязательно остановится, если он не возьмет билет на самолет, – но он настолько продулся, что у него не было денег даже на билет. Значит, ни Хангана он не увидит, – Ли звал реку просто Хан, – ни гору Намсан, увенчанную большой телевизионной вышкой, украшенной вертящимися ресторанами, в которых Ли любил бывать, не сможет пройти по покоям бывшего королевского дворца Суун, где по стенам безмолвно перемещаются тени далеких предков, а на полках стоит древняя керамическая и фарфоровая посуда... К посуде этой даже прикасаться боязно – такое ощущение, что прикасаешься к вечности: самым старым из этих черепков было более трех тысяч лет.

Одну из тарелок Ли даже брал во дворце напрокат – директор Сууна Ким Джон Чун только улыбнулся, узнав об эксперименте, который собирался провести Удачливый Ли, но ничего не сказал, хотя сказать ему было что, – выдал разрешение на вынос древней посуды из дворца.

Удачливому Ли пришла в голову блажная мысль: узнать, меняется ли вкус еды, когда ее принимаешь из посуды, которой более трех тысяч лет от роду.

Тарелка, которую брал Ли, относилась к периоду «Корё», на вес была очень легкой – ну будто бы вырезана из сухого дерева, а не слеплена из глины, – имела она двойной обливной слой, вначале был наложен один, светлый, на нем сделан рисунок, а потом сверху наложен второй слой, темный, поэтому изнутри на поверхность словно бы свет какой проступал, проклеивался, душу бередел, вызывал сердцебиение, мысли о вечном и приятное жжение в висках... А вот насчет вкуса еды – вкус остался прежним, не изменился ни на йоту. Мясо оставалось мясом, трепанги трепангами, рис рисом, а рыба фугу рыбой фугу...

Но тарелка была хороша: серая, ни капельки от времени не выгоревшая, с серым светом, проступающим изнутри в виде незатейливого, но очень душевного рисунка. Сделана эта тарелка была очень большим мастером.

А еще Удачливому Ли захотелось поесть сунню – супа, памятного ему с детства, когда он рад был не только миске риса с куском черствой лепешки, рад был даже огрызку яблока и чашке воды – живот от голода прилипал к хребту так, что не отодрать, а уж сунню... суп сунню был деликатесом.

Готовится сунню просто – со стенок кастрюли соскребается подгоревший рис, опускается в горячую воду. Там он размякает, вода делается коричневой, цвета жидкого кофе, и народ с наслаждением пьет, пьет этот напиток из чашек. Видать, у каждого человека среднего возраста, живущего в Южной Корее, осталась в памяти та непростая пора, когда не хватало не только риса и хлеба – не хватало, кажется, даже воздуха...

Ли долго сидел на скамейке в дальнем углу каменной промерзлой набережной, глядел в тяжелую свинцовую воду Амура, плещущуюся в незатянутых льдом полыньях, и думал, думал... Не заметил, как на щеку выкатилась небольшая колючая слеза, застряла по пути.

На душе было пусто, словно бы по ней пробежался ураган, выдрал все живое, всю растительность вместе с корнями, по лбу бегали какие-то блохи. Удачливый Ли смахнул ладонью несколько, глянул на ладонь, а там ничего нет, – глянул снова, а там опять ничего нет...

Он понял – блазнится. А раз так, то ему остался один шаг до смиренной рубашки.

Надо было брать себя в руки. И он взял – через час снова сидел в казино и играл, хотя денег у него не было – все равно играл... Играл в долг, впрочем, доставать деньги он не планировал, он рассчитывал на другое – на выигрыш.

Должен же после череды проигрышей последовать выигрыш. По «закону зебры» это должно произойти обязательно: ведь после черной полосы, как правило, следует белая...

Белая полоса не последовала – за сорок минут сидения за игорным столом Удачливый Ли продул двести сорок тысяч долларов.

Такого удара в поддых, под ложечку кореец не ожидал. Некоторое время он сидел оглушенный и, будто карп, выдернутый из Хангана на свежий воздух, хлопал губами, стараясь сглотнуть боль, разгоревшуюся у него внутри, возил кулаками по глазам, давя на них слезы, потом, пошатываясь нетвердо, поднялся со стула.

Покачнулся и едва не полетел на пол. Если бы охранник заведения – худой, словно бы отлитый из некой костной массы по прозвищу Синий, не поддержал его, он растянулся бы под игорным столом.

– Ну что, очухался? – спросил у Удачливого Ли хабаровский ресторанный король, прозванный Жареным – невыразительный толстяк с желтыми рысьими глазами и большим потным носом, похожим на породистую дальневосточную картошку.

– Очнулся, – смято, на ломаном русском языке произнес Ли. Конечно, слово «очухался» на корейский язык никак не переводится, но Ли понял, что оно означает и ответил, как ответил бы, наверное, любой российский забулдыга.

– Мал-ладец! – с неким изумлением произнес Жареный. – Похоже, ты не в Сеуле родился, а где-нибудь под Хабаровском, в Волочаевке, например.

– Но Волочаевка, но Волочаевка! – вяло покрутил головой Удачливый Ли. – Нет!

– Когда думаешь отдавать свой проигрыш?

Удачливый Ли вопрос понял, но тем не менее с русского языка перешел на английский.

– Подожди, не все сразу, – сказал он.

– Переведи, что он там прокудахтал? – попросил Жареный своего охранника, которого звали Пирацетамом.

Пирацетам сидел в тюрьме в Корее, где и научился местному языку и обычаям. А заодно изучил и английский, мог попросить банку пива. Пирацетамом его звали потому, что для под-

держания чистоты в мозгах он часто принимал это лекарство, а потом со всеми делился впечатлениями и говорил довольно, что двух таблеток пирецетама и одной винпоцетина ему с лихвой хватает для того, чтобы в ушах исчез всякий шум, звон с колокольным боем, а мозги делались чистыми, незамутненными, как горная вода сихотэ-алиньских хребтов.

Почувствовав, что дело может запахнуть керосином, Пирецетам поежился:

– Что-то я не разобрал, шеф, чего он сказал...

– И бодрости в его голосе не почувствовал?

– И бодрости... это самое, не почувствовал.

Жареный свел вместе брови – получилась длинная меховая линия, будто к лицу этого богатого человека прилепили шкурку от какого-то диковинного зверька, – потом подвигал шкуркой влево, вправо и проговорил угрожающе, шепеляво – боковыми зубами прикусил себе щеку изнутри, это у него иногда случалось, особенно, когда Жареный бывал недоволен.

– Значит, так, Пирецетам... Ты не наводи туман на фок-мачту, ныне это не проханже... Игры эти кончились вместе с советской властью. – Жареный клацнул зубами и перевел взгляд на Удачливого Ли. – Говори прямо, по-русски, когда отдашь должок, не то я тебе глаза выколю. Несмотря на то, что ты иностранный подданный. Понял?

Удачливый Ли все понял, съезжился от ощущения холода и опасности – даже сердце, кажется, остановилось на несколько мгновений, затихло, но на спокойном бесстрастном лице корейца ничего не отразилось. Ли было очень важно, чтобы на его лице ничего не отразилось – ни одна жилочка не должна дрогнуть... Так оно и было. Ли удалось справиться с собой.

Пирецетам поспешно перевел фразу на английский язык.

– Я все понял, – по-русски сказал Удачливый Ли, – переводить больше не надо.

– Даю тебе три дня. Если через три дня не отдашь деньги, твои глаза будут висеть на ближайшем дереве, на суку. – Жареный, кряхтя, поднялся со стула, сомкнувшиеся брови на его лице разомкнулись, разошлись в разные стороны, не глядя больше на Удачливого Ли, он двинулся к выходу, в дверях остановился и проговорил ржавым, каким-то неживым голосом: – Это будет как раз на Новый год. Вот праздничек мы тогда и отметим... – Жареный довольно засмеялся. – А, Ли? – Отсмеявшись, добавил: – Либо украсим елку новой игрушкой.

Под новой игрушкой он, надо полагать, подразумевал Удачливого Ли.

Достать за три дня в чужом городе двести сорок тысяч долларов – вещь нереальная, это и Жареный, и Удачливый Ли одинаково хорошо понимали. Собственно, Ли этим даже не занимался, – занимался другим: обдумывал пути отступления. Из Хабаровска надо было спешно уходить, или, как говорят эти непонятные русские, – уносить ноги. Если ноги унести, то на чем же пойдет туловище?

Ничего у него с бизнесом в России не получилось. Все законы, которые знал Удачливый Ли, по которым жил в Сеуле, здесь не работали. Хабаровские бизнесмены над ним потешались.

Конечно, можно отыскать деньги и улететь отсюда на самолете, но Удачливый Ли знал – дорогу в аэропорт Жареный ему перекроет. Ли и километра не сделает по дороге в этом направлении, как будет валяться в кювете, – значит, этот путь отпадал; уехать в Корею на машине через Китай – тут у Ли было еще меньше шансов; отправиться в вагоне скорого поезда – это более реально, но где-нибудь во Владивостоке, откуда, кстати, самолеты регулярно ходят в Сеул, или на подъезде к приморской столице его обязательно накроют и выволокут из вагона, будто червяка из яблочной норки... Лучше всего – уходить на электричках, на чумазах рабочих поездах.

Никто никогда не подумает, что миллионер может ездить на пропахшем мазутом, резиной сырых сапог, грибами и удобрениями рабочем поезде, на котором ездят только пенсионеры – ездят за город, чтобы из окошка дачного туалета полюбоваться грядкой молодых пупырчатых огурцов, выращенных собственными руками, да еще крикливые грибники, охочие до бесплатных даров леса, еще, может быть, сборщики папоротника-орляка, и все.

Если уж пускаться в бега, то на рабочих поездах.

На следующий день, утром, к Ли пришел Пирацетам.

– Ну как, кореец, деньги собираешь? – спросил он, улыбнувшись и показав свои темные, порченные неведомой хворью зубы.

– Собираю, – хмуро ответил Удачливый Ли.

– Смотри, процесс не затягивай. Шеф этого дела очень не любит. – Пирацетам выразительно пошевелил в воздухе пальцами, будто спрут щупальцами, вновь обнажил темные зубы и выразительно сплюнул на пол.

Пирацетам осуществлял так называемое психологическое давление: Удачливого Ли хотели запугать. Ли это понял... Хотя и хотел он, чтобы лицо у него оставалось невозмутимым, каменным, но сейчас это ему не удалось – уголки рта задрожали, задергались суматошно, обиженно. Хорошо, Пирацетам этого не заметил. Ли поспешно отвернулся в сторону.

– Не затяну, не бойсь, – сказал он. – Я свое слово сдержу.

Пирацетам неожиданно потеплел лицом.

– А ты молоток, кореец, – заявил он. – Люблю таких людей.

– Чего-о? – тихим голосом спросил Ли.

– Форс держишь, носа не опускаешь... Молоток, говорю! – Пирацетам обрезал улыбку, «выключил тепло», лицо у него сделалось узким, хищным, он что-то прохрюкал на прощание и вышел из комнаты.

1 января. Участок заставы № 12. 00 час. 12 мин.

Сзади послышался лай собаки – собака залаяла жалобно, слабо, виновато, словно бы извинялась перед человеком за то, что не могла помочь. С недалекого хребта принеся порыв ветра, приподнял снег, лежавший на дороге, сгреб его в тугой холодный сугроб и накрыл людей. Коряков на мгновение остановился, присел, словно бы хотел кого-то засечь на темном фоне неба, но никого не увидел, пружинисто распрямился.

Все тело его, весь он сам, каждая мышца, каждая клеточка мозга, каждая жилка и нерв были нацелены на одно – на поиск. На поиск того человека, который нарушил границу. И ничто иное, никакие другие дела для Корякова сейчас не существовали. Их просто не было, они исчезли – и Коряков и Лебеденко вырубил их из себя.

– Петя, приглядывай за спиной, за тылом, за инженерной полосой, – предупредил лейтенант напарника, – а я буду прощупывать низ, берег реки. Этот гад не должен уйти далеко. Снег не даст ему далеко уйти... Слишком много снега.

Прошли метров десять и остановились вновь. С небес, из черного невидимого прорана принеся хрипучий ветер, шлепнулся на землю так, что она дрогнула, срезал с сугробов отвердевшие стеклистые макушки, вывернул наружу хрустящую холодную мякоть. Сделалось холодно. Очень холодно.

Лебеденко хрупнул ногами – снег у него под подошвами оказался голосистым, как под «шишигой», и лейтенант, поморщившись, поднял руку:

– Тихо!

Лебеденко похлопал глазами, вытянул шею.

– Ну? – спросил он шепотом. – Есть что-нибудь, товарищ лейтенант?

– Тихо! – вновь шикнул на него Коряков.

Хрипел ветер, в небе, над самыми головами людей, что-то гулко хлопало, будто с невидимой крыши снесло лист железа, он повис на одном гвозде и теперь пытался сорваться и улечь на землю. Гвоздь оказался упрямым, лист железа держал прочно, металл бесполезно, хотя и гневно, погромыхивал, рвался, устремляясь к надежной тверди, хлопал свободным краем, но ничего поделать не мог.

– Слышите, товарищ лейтенант? – Лебеденко вновь нетерпеливо захрумкал снегом.

– Тихо! – лейтенант поморщился. – Ты чего, Петро, своего слуха не имеешь?

– Имею, только он не такой острый, как у вас.

– Петро, не зарывайся. Я очень не люблю подхалимажа.

– А я и не подхалимничаю. Напрасно вы, товарищ лейтенант... – в голосе контратника не было ни заискивания, ни веселья, ни уныния, никакой игривости, с которой солдаты часто уходят на задания, ни нервности – ничего, в общем, не было, – ровный голос, в котором даже досада отсутствовала. А досада должна быть. Ведь Новый-то год, сам праздник, сорван.

Ни одного постороннего звука в пространстве не было – только хрип ветра, переворачивающего тяжелые пласты снега, скрип ледяной крошки под ногами, тьяканье каких-то зверюшек у излучины реки – может быть, даже собак, прибежавших сюда из китайского города, либо лисиц, выгнанных голодом из нор, – все остальное исчезло. Напряженное лицо лейтенанта приняло недоуменное выражение.

– Пропал, – проговорил он удивленно, – будто сквозь землю провалился. Куда же он подевался? Я же слышал его... слышал!

– Может, почудилось?

– Почудиться девочке мальчик может, Лебеденко, а тут – дело совсем иное, серьезное.

– Понял, товарищ лейтенант!

– За мной!

– Есть «за мной!» – автоматически повторил Лебеденко, кашлянул в кулак – вышло, как ему показалось, очень остроумно.

Коряков бежал и отмечал все мелочи, которые темнота позволяла ему засечь – перевернутую горбушку снега, выломанную ветром из недалекого сугроба, выдавлинку в разровненной, хорошо обработанной контрольно-следовой полосе (на заставе имелся небольшой старый тракторишко, который с прикрепленным «профилем» – тяжелой железной платформой, – утюжил эту полосу каждый день, иногда даже по несколько раз в день), камышовую ветку, которой совсем недавно тут явно не было, каждой такой детали находил объяснение и, не останавливаясь, бежал дальше: все это было вторичное, третичное, не главное, главное было найти след нарушителя и сделать это как можно скорее.

Принесшийся ветер хлестнул лейтенанта жесткой крошкой по лицу, запечатал рот, вышиб из глаз сеево электрических брызг. Коряков на бегу помотал головой, но преследования не прекратил, наоборот – прибавил ход.

1 января. Контрольно-следовая полоса. 00 час. 15 мин.

Когда-то на их заставе трепал нервы разным белокуитайцам, японцам, родным соотечественникам, удравшим за рубеж, легендарный Карацупа. Вот это был следопыт! Милостью Божьей следопыт.

Когда его призвали учиться в пограничную школу, то Карацупа к началу занятий опоздал, и ему не досталось ни коня, ни собаки... Хоть домой возвращайся. Насчет коня Карацупа решил так: он – не барин, в конце концов может и на своих двоих побегать, а конь пусть отдохнет, – придет время и ему какого-нибудь полухромого одера дадут, а вот насчет собаки...

Тут Карацупа поступил просто: нашел немощного слепого щенка и решил его выходить – сделать так, чтобы и глазенки у него прорезались, и слабые кривые лапки выпрямились... И выходил его – щенок обрел и зрение, и редкостное чутье, и бегуном стал таким, что за ним невозможно было угнаться даже на коне.

Всего Карацупа задержал, когда служил, триста тридцать восемь нарушителей. Эта цифра вызывала у Корякова не только уважение, но и трепет. Интересная в ту пору была жизнь на границе – опасная, но интересная, такая, что у нынешних лейтенантов, сверстников Корякова, даже дух захватывает.

Коряков остановился вновь, присел. Скинул с руки меховую перчатку, приложил голую ладонь к снегу, словно бы не доверял своему слуху и рассчитывал ладонью почувствовать, засечь, может быть, даже услышать далекий скрип снега, запаренное дыхание нарушителя, понять, в каком именно месте он попытается скатиться на лед реки и уйти на ту сторону...

Но нет, эксперимент лейтенанту ничего не принес. Ничего он не услышал, ничего не почувствовал, нарушитель словно бы растворился в воющем ночном пространстве.

– Погода что-то совсем расшаталась, – прокричал Корилов и не услышал собственного крика. – Тьфу! – Погода ухудшилась буквально в несколько минут, в Приморье такое случается часто: тут ведь с одной стороны океан, с другой – горы, когда они борются друг с другом, бывает полный порядок, равновесие, но когда дуют в одну общую дуду – тогда, люди, держитесь!

Сегодня имело место второе...

1 января. Участок заставы № 12. 00 час. 18 мин.

В конце концов Удачливый Ли добрался до этих мест: во Владивосток он приехал на электричке, – никто на помешал ему это сделать, – правда, сошел Ли с поезда не на главном железнодорожном вокзале, расположенном рядом с морским, а раньше – на промежуточной станции, название которой он даже не прочитал, его, похоже, не было вообще... Потом, изучив карту, он понял, что это была Океанская.

Ли выпрыгнул из вагона на платформу, быстро соскочил вниз, перебежал на противоположную сторону железнодорожных путей и очутился в густых, заляпанных чем-то маслянистым и грязным кустах. Огляделся – ему важно было засечь, не повторил ли кто его маневра? Если повторил, то Удачливому Ли надо было спешно уходить от этого человека.

Электричка тоненько, по-девчоночьи пискнула и, грубо взревев движками, поспешно двинулась дальше – она опаздывала: яркие красные огни, пришипленные к последнему загону, мигнули прощально, словно бы хотели подбодрить Удачливого Ли, и исчезли. Следом за поездом, скручиваясь в тугую железный жгут, покатила поземка.

Никто, кроме Ли, не спрыгнул с платформы, не перебежал на противоположную сторону, не совершил поспешного маневра, – а раз это было так, то и опасности не было. Ли вскинул над головой вязаную шапчонку и тыльной стороной ладони стер со лба капли пота.

Его никто не преследовал.

С электрички вообще сошло всего три пассажира: древняя бабка с бородатым подбородком, вооруженная деревянной клюкой, пацаненок, похожий на школяра, возвращающегося домой с заседания шахматной секции, и миловидная беленькая барышня в меховой шубке, напомнившая Удачливому Ли белку, спрыгнувшую с еловой ветки в снег.

Все трое поспешно побежали по тропке, проложенной под фонарями к автомобильной дороге, на которой гудели КамАЗы. Удачливый Ли проводил глазами вначале пассажиров, потом – автомобильную колонну.

Сделалось тихо. Ли задрал голову, глянул на мелкие недобрые звезды, рассыпанные по небу, словно шляпки гвоздей, попробовал отыскать среди них что-нибудь знакомое, планету или далекое светило, ничего не нашел, и настроение у него поползло вниз.

Он еще раз окинул взглядом пустую платформу, проверил, нет ли где опасности и, убедившись, что все в порядке, скатился к заснеженной темной дорожке, петлявшей среди сугробов.

Через десять минут он выбрался на пустынную узкую дорогу. КамАЗы здесь не ходили, зато ходили другие машины – легковые. Встал на обочине около фонарного столба, у края светового круга. Начал считать легковушки.

Первую, остановившуюся около него, он резким движением руки отправил дальше – проезжай, мол, вторую также отправил дальше, от третьей просто отвернулся, сделал скучающее

лицо, а вот перед четвертой неожиданно резво выскочил на дорогу и замахал рукой, будто рычагом семафора.

– Стой! Стой!

Самая опасная, конечно, была первая машина, ее могли подставить специально, а уж потом, когда клиент окажется в салоне, с ним могли сделать что угодно. Его можно было даже съесть без соли и перца. Съесть и запить невкусное блюдо стаканом водки.

Вторая машина также могла быть опасной – очень часто вторые машины дублируют первые...

Счет безопасным машинам, в которых отсутствуют подставки, можно начинать лишь с четвертого автомобиля, четвертым автомобилем оказалось такси – разбитая японская машинка с правым рулем.

– Куда надо? – повернул к Ли небритое лицо (по последней, очень странной моде молодые люди теперь не брили свои лица) таксист.

– На автобусную станцию.

Таксист щелкнул счетчиком. Предупредил:

– Рублей триста пятьдесят наколотит.

Удачливый Ли махнул рукой:

– Пусть!

Пока ехали по замерзшим улицам, Ли несколько раз оглянулся – проверял, не прилипла ли к ним какая-нибудь машина. Ни одного подозрительного колеса Ли не засек и немного успокоился.

На автобусных станциях, как и на железнодорожных вокзалах, всегда ночует много различного люда – кто-то поздно приехал и время до рассвета ему приходилось проводить на жесткой казенной скамейке, кому-то надо слишком рано уезжать, и он коротает часы в душном, хорошо натопленном зале, но что важно, – и это Ли знал, – пассажиров, застрявших на автобусных станциях, никогда не проверяет милиция. Залы эти издавна считались некими безопасными островками среди безбрежного пространства тотальных проверок.

Через несколько часов Удачливый Ли уже находился в Уссурийске – выехал туда первым утренним автобусом. После бессонной ночи, после всех волнений у него раскалывалась голова, пространство перед глазами было покрыто серыми разводами, в пустой ряби этой плавали крупные красные пятна, похожие на расплывшиеся кляксы. Ли зашел в аптеку, обратился к миловидной с сочувственным взглядом провизорше:

– Девушка, есть у вас что-нибудь от головной боли?

– Вам подороже или подешевле?

Удачливый Ли привычно махнул рукой – этот жест прилип к нему.

– Все равно!

– Лучше всего помогает самое дешевое лекарство – анальгин... Дешевое, но зато самое эффективное.

Половину Уссурийска ныне занимают китайцы, есть и корейцы, но их в городе немного, поэтому Лена, – а Ли остановился у провизорского окошка, где сидела именно Лены Морковина, – не обратила особого внимания на Ли: таких немощных у них за день бывает полгорода, и хотя говорят, что у китайцев и у корейцев – своя, очень действенная медицина, народная, это не совсем так: может, их народные целители и способны располосовать человека без ножа, вынуть из него печенку и зарубцевать на ней язвы, а потом печенку снова вставить внутрь, только вот такие простейшие вещи, как головная боль, – не по зубам им, и осознание этого невольно возвышало в глазах Лены отечественную медицину.

– А вот такое лекарство – нимулид, – наморщив от боли лоб, спросил Удачливый Ли, – оно не лучше?

– Не лучше, не советую.

Ли взял анальгин. Принял две таблетки и – действительно помогло, головная боль потихоньку начала отступать. Поразмышляв немного, Ли пошел на китайский оптовый рынок – найти Ли там среди нескольких тысяч одинаковых лиц было невозможно, для этого самому надо быть китайцем, либо корейцем.

Кстати, когда Удачливого Ли спрашивали, почему у всех корейцев лица одинаковые, Ли в ответ только усмеялся: вот как раз русские и грузинские лица уныло одинаковые, не отличаются друг от дружки – поставь рядом десять тысяч человек и все будут иметь общую, бесконечно повторяющуюся «фотокарточку», а вот среди китайских и корейских ликов – ни одного повторяющегося...

Все зависит от точки отсчета, от того, с какой стороны на это дело смотреть.

Поздним вечером, в половине одиннадцатого, Удачливый Ли на такси приехал в Полтавку, отсюда до границы было рукой подать – несколько коротких бросков. Минут без десяти двенадцать Удачливый Ли по целику, через глубокий снег, сделал рывок к пограничной полосе, пересек жиденькую, как ему показалось, изгородь, намотанную из старой непрочной проволоки, на ней не хватало только пустых консервных банок, – затем в несколько прыжков одолел занесенную снегом плоскую полосу, похожую на дорогу, прошелся по боковине ее, по обледенелой кромке, вспомнил, что опытные контрабандисты, чтобы скрыть свои следы, посыпают их табаком, выдернул из кармана куртки, из пачки, несколько сигарет, судорожно смял их и швырнул в свой заснеженный след.

След тут же простынью накрыла мелкая твердая крупка, Удачливый Ли засипел от досады и выругал себя – ведь это же контрабандисты делают в летнюю пору, когда нет снега, колдуют, посыпают землю махоркой, и тогда собаки отворачивают морды в сторону, не могут обозначить для себя невидимый след, упускают его. Совсем сдурел Удачливый Ли... На бегу он расстроено отплюнулся – досада не проходила, – рассекая телом мятущееся пространство, пробежал еще метров двадцать, прыгнул в сторону.

В то же мгновение провалился в глубокий сыпучий сугроб – ушел в него с головой, сверху на Ли также насыпался мелкий, схожий с мерзлым наждаком снег, проник за воротник. Удачливый Ли передернулся всем телом, подумал о том, что его запечатало в этой яме, словно в могиле. Тут его до самой весны могут не найти.

– Э-э-э! – закричал он, но своего крика не услышал.

Дернулся в одну сторону, затем в другую, – его плотно сжало с боков, сидел он в этой воронке мертво – потом приподнял одну ногу, это ему удалось, через несколько секунд приподнял вторую ногу – и это у него получилось, – перевел дыхание.

В такой ситуации уже не до броска через пограничную речку, на ту сторону – сейчас бы спастись...

Он застонал, провел перед лицом ладонью. У кого-то из специалистов по выживанию он читал, что если человек попадает в снежный завал и его доверху засыпает мерзлая стеклистая крупка, он должен прижать к лицу ладони, чтобы образовалось пространство, – пусть небольшое, – в котором сохранялся воздух...

Это пространство потом помогает выжить – хотя бы некоторое время попавшему в беду человеку будет чем-то дышать, – но Удачливому Ли лицо, слава богу, не засыпало.

Он закричал, затем, стиснув зубы, потянулся, рукою зацепился за ветку ивы, вмержшую в снег, попробовал приподняться над самим собой, пальцы сорвались, и Ли показалось, что он еще больше опустился в снеговую яму.

Удачливый Ли снова потянулся к ветке, пошевелил ее, зацепился пальцами крепче, потом, переведя дыхание, освободил вторую руку, также зацепился ею за ветку... Несколько секунд он отдыхал, не делая ни одного движения – Ли словно бы завис над снежной ловушкой, – потом аккуратно, буквально по сантиметру, двинулся вверх, вывинчивая свое тело из обжима.

1 января. Контрольно-следовая полоса. 00 час. 19 мин.

Коряков уже не раз сталкивался со странными явлениями дальневосточной природы, когда вдруг ни с того, ни с сего пропадали следы: четко пропечатанная топанина человеческих ног вдруг прерывалась, исчезала совершенно бесследно, словно проваливалась под землю, и это обязательно вызывало в лейтенанте нехорошую оторопь, по коже проворно бегали мурашки – от их цепких колючих лапок под мышками рождался горячий острекающий пот, тихо сползал вниз, к поясу...

Дальше бывало по-всякому: следы эти могли возникнуть вновь, вытянуть из-под земли, могли не возникать, навсегда остаться в матушке-планете и породить в человеке еще большее смятение.

Как-то он пожаловался седому ветерану Верникову, который в двадцатые годы облазил здесь каждый кустик, каждую падь и каждую сопочку, знал всех зверей и птиц в «лицо» и очень успешно воевал с беляками:

– Сергей Митрофанович, не знаю, как объяснить это явление... Может быть, вы объясните?

– Какое явление, Саша? – взгляд Верникова сделался участливым, он нахлобучил на нос очки в тяжелой черепаховой оправе.

– Ну-у... То, что погода у нас на Дальнем Востоке может меняться каждые полчаса, я понимаю, что только здесь водится прыгучий зверь редкостного красно-черного окраса, какого нет нигде в мире, я тоже понимаю, понимаю природу цунами, тайфунов и так далее, понимаю то, что здесь растет папоротник в три человеческих роста высотой и водится жень-шень, продлевающий человеку жизнь, – это тоже разумею... Лишь одного не могу понять. Вы ведь наверняка сталкивались с этим явлением... – Коряков неожиданно замаялся и умолк.

– С каким явлением, друг мой? – ласковым голосом повторил вопрос Верников.

Хоть и был он стар – виски у него светились от глубокой, словно бы проросшей внутрь, в мозг седины, – а все равно выглядел моложе своих лет. Точно и не было у него за плечами трудной жизни, изнурительных боев с беляками, тяжелого прошлого, которое иногда очень отчетливо проглядывалось в его внимательных серых глазах, – оно имело вид огромной, подавившей этого человека усталости, – несмотря ни на что Верников выглядел молодцом.

– С колдовским явлением, Сергей Митрофанович. Иногда я нахожусь в тайге, и меня не оставляет ощущение, что некий колдун-лесовик водит меня за нос.

– А в чем это выражается? Как выглядит?

– Тянется через снег, допустим, неровный лосиный след, а потом р-раз – и след пропадает. Словно бы под снег проваливается. И не видно его, и не слышно, и нигде следок не возникает.

– А собака что?

– Собака бывает беспомощна совершенно, – Коряков развел руки в стороны, – она совсем не понимает, что происходит... Бывало с вами такое, Сергей Митрофанович?

Верников поправил очки, плотно врезавшиеся в нос, взгляд его сделался задумчивым. Ответил твердо:

– Бывало!

– При каких обстоятельствах, не помните?

– В двадцатые годы здешние места были очень беспокойны, Саша, каждый день регистрировали до сотни нарушений границы. Лютовали все, кому не лень – наши соотечественники, японцы, белокитайцы, приходили смешанные отряды маньчжуров – их в ту пору называли японо-маньчжурами. Вылавливать их приходилось не только пограничникам, но и нам, тем, кто служил в обычных армейских частях. Иногда удавалось задержать, иногда нет... Ходили,

конечно, по следам. Так вот, бывало, конечно, – следы пропадали, да... – Верников замолчал, задумался о чем-то своем.

Факт пропажи следов опытный человек Верников подтвердил, а вот почему это происходит, по какой причине, не объяснил. Не знал, выходит... И Коряков тоже не знал.

Мести стало сильнее. Снег валил теперь с неба плотными валами, с автомобильным гудением, словно бы с недалекой горы в ложину съезжали грузовики, целая колонна, – все машины безглазые, с потушенными фарами, слепые, страшные, они шли, грозя раздавить находящихся внизу людей, лицо забивало колючими хлопьями, затыкало ноздри и уши, в рот лезли целые куски льда.

Лебеденковская собака повела хозяина в одну сторону, потом в другую, затем метнулась в третью, из третьей в четвертую, и сникла, замерла с ошеломленно-жалобным видом. Лебеденко нагнулся к ней, забормотал ласково и одновременно тревожно. Коряков включил карманный фонарь, сильный, с яркой точкой светодиодов, собранных в кучку, способной, кажется, даже плавить снег, пробежал с ним несколько метров и выключил фонарь – в этой стремительно возникшей пурге фонарь мало чем мог помочь человеку.

А снег все накатывался с небес, сыпался и сыпался, словно бы вылетал из-под колес невидимого грузовика, шуршал противно, скрипел, гудел, – все эти звуки слились в один общий звук, из-за реки приносился лешачий вой, проглатывал все, что попадалось ему под каток, оглушал людей и обессиленно отползал в сторону.

Лебеденко нагнулся над Коряковым, прогудел ему прямо в ухо, – впрочем, совсем не рассчитывая, что тот услышит:

– Как бы нам не упустить нарушителя... Светопреставление!

Лейтенант ничего не ответил: бывают моменты, когда человек бессилен перед природой...

1 января. Контрольно-следовая полоса. 00 час. 25 мин.

Удачливый Ли все-таки не удержался – замерзшие пальцы его упустили ивовую ветку, мигом обледеневшую, сделавшуюся хрупкой, скользкой, и он ухнул вниз, в сыпучий снег, пробил его дальше, прополз вместе с ним метра полтора, болезненно морщась и ощущая, что ноги его плотно затягивает хрустящая тяжелая крупка, сжимает, будто клещами... Он попробовал поджать ноги, но из попытки ничего не получилось, и Ли замер, становясь обычным неподвижным предметом.

Через несколько мгновений его ботинки уперлись в корень, и Удачливый Ли перестал ползти вниз. Замер. Отплюнулся снежной крупкой, прилипшей к языку, прочистил себе горло.

Виски стиснул страх. Он бежал, выскользнув из одного капкана, и угодил в другой. Вот судьба! Ли поводил языком во рту, сдирая с нёба что-то колючее, холодное и так продолжал до тех пор, пока не почувствовал на языке вкус крови.

Только кровь могла отрезвить его, заставить почувствовать себя, освободиться от страха, который лишил его последних сил...

Он подтянул к лицу руки, подул на пальцы, отогревая их. Неужели он застрял здесь навсегда? Ведь пока не стает снег, его не найдут... Раньше не смогут. В руки пограничников попадет, как принято говорить в среде полицейских, скелетированный труп. Перспектива была страшная.

Удачливый Ли всхлипнул.

Как выбраться из этой ловушки, он не знал.

1 января. Контрольно-следовая полоса. 00 час. 28 мин.

Коряков обшарил метров двести воющего пространства, но следов нарушителя так и не нашел. Словно бы их кто-то стер гигантской ладонью, сгреб, сдвинул за пределы инженерной полосы.

Лейтенант вздохнул:

– Тяжелая это работа – тащить из болота бегемота.

К нему наклонился Лебедеженко:

– Что будем делать, товарищ лейтенант?

– Я же сказал – тащить из болота бегемота.

– И все-таки, товарищ лейтенант?

– Надо вернуться и найти след, который мы уже видели, исследовать место, где след пропал...

– Нарушитель уйдет, товарищ лейтенант.

– Не уйдет. В такую пургу не уйдет, обязательно увязнет. Снег слишком глубокий. Нам только бы нащупать его след снова – и он наш. – Коряков освободил из-под перчатки часы, глянул на циферблат.

Было двадцать восемь минут первого. Подумал о Лене, ухватил с земли кусок снега, прижал его ко лбу – показалось, что погорячевший лоб должен воспламениться.

Лена пообещала, что встретит Новый год с родителями, а потом приедет на заставу, чтобы вместе с Сашей Коряковым выпить бокал шампанского.

– Когда это будет? – спросил Коряков.

– Примерно в половине второго ночи... Дорога тут хорошая, машины ходят редко – доберусь быстро.

– А кто вас повезет, Леночка?

– Сама за руль сяду. Возьму у отца машину и приеду.

– А как же тогда шампанское? За рулем пить нельзя.

– Кому нельзя, а кому можно. Что будет от одного бокала шампанского? Ничего. Как медик я это знаю хорошо.

– Не медик, а фармацевт.

– Это одно и то же. Мы изучали общие предметы, вместе сдавали экзамены, и профессия у нас с медиками одна и та же – лечить людей. Через полтора часа в организме не останется ничего, даже воздушных пузырьков. Так что за руль я смогу сесть смело.

– Что у вас за машина?

– Простенькая, дешевая. Раньше была японская...

– С правым рулем?

– Во Владивосток другие машины не завозят.

– Японцы поставляют свои машины и в Европу. С левым рулем.

Лена спорить на этот счет не стала.

– Пусть Европа ездит на авто с левым рулем, а здесь людей устраивает правый руль. Потом мы поменяли «японку» на жигуленка. – Приподняла одну бровь, спросила: – А меня на заставу пустят?

– Пустят. Я пропуск на вас оформлю.

– Вместе с машиной?

– Вместе с машиной, – Коряков наклонил голову, – как же без машины...

Интересно, где сейчас находится Лена? Развлекает родителей или уже выехала на заставу – едет сейчас по дороге, осторожно огибая выбоины и напалзающие на асфальт сыпучие белые хвосты, чтобы не увязнуть в снегу... А?

– Возвращаемая назад, – вновь скомандовал Коряков своему напарнику, – надо найти след. Хотя бы хвост следа, обрывок, малую часть...

1 января. Станция Гродеково. 00 час. 30 мин.

Верников не спал. Изменения в природе, внезапные шквалы, снегопады, заряды небесного сора, внезапно сваливающиеся на землю, всегда отрицательно действовали на пожилых людей. И лекарства от этого не было никакого.

Приняв бокал шампанского, шипучего и кислого, как квас, желтоватого хмельного цвета, Верников подмигнул себе в зеркало, ткнул в изображение пустым бокалом и, произнеся традиционное «Будь здоров!», завалился спать.

Уже лежа, отплывая в сон, пробормотал невнятно:

– С Новым годом!

Он рассчитывал проспать до утра, а проснулся очень скоро – минут через двадцать, словно бы кто-то двинул его кулаком в бок. Здорово двинул, даже дыхание перехватило. Сна как не бывало. Верников долго вглядывался в темноту, пытаясь разобрать, что в ней есть, какие картинки неведомый художник изобразил в вязком черном пространстве, ничего не увидел и снова закрыл глаза.

Сну что-то мешало, в глазницы словно бы кто песка насыпал – даже жечь начало от непривычной сухости, а в темном пространстве то там, то тут вспыхивали мелкие колющие искры. Верников вновь открыл глаза.

Неожиданно вспомнился любознательный лейтенантик с вежливым лицом – то ли Корягин его фамилия, то ли Корюков, то ли еще как-то – на «К» в общем, – со своими наивными вопросами: интересовало его, как пропадают следы на земле.

А ответ есть, он находится прямо там, на заставе, под носом у этого лейтенанта, – на заставе номер двенадцать имеется стенд, на котором выставлены различные приспособления, используемые нарушителями, в том числе и очень простые, но эффективные – например, лосиные копыта, вырезанные из обычных деревянных чурбаков.

Натягивает иной дядя на руки, на ноги по такому самодельному копыту и без особых хлопот пересекает границу – следопыту даже в голову не приходит, что прошел не четырехногий лось, а обычный двуногий «хомо сапиенс». С другой стороны, на всякую хитрую затычку есть, конечно, штопор с винтом – и по эту сторону границы есть умные люди, и по ту... Вот они пусть и соревнуются.

Если Верников не помнил фамилию лейтенанта, то имя помнил хорошо – Александр.

Для Александра этого Верников был героем Гражданской войны, мужественным человеком, защищавшим Дальний Восток от всякой нечисти, и для других он был таким героем, а на деле? Верников не выдержал, усмехнулся. На деле никто никогда не догадается, кем он был раньше, и кто он есть на самом деле ныне.

Да и время наступило такое, что только диву приходится даваться. Оно довольно точно определяется одним расхожим выражением из серии «Рога и копыта», которое Верников переписал себе в дневник: «За растрату средств, выделенных на строительство городского стадиона на 27 тысяч человек прораба понизить в должности, бригадира уволить, построенное сооружение отдать под газетный киоск».

Все ныне делают по этому принципу – возводят гигантское олимпийское сооружение с размахом на половину мира, а получается обычный пивной ларек... И никто за это не отвечает.

И уже ничего нет в России – ни авиационных заводов, ни собственных ракет, ни науки с культурой, авианосцы и атомные подводные лодки проданы на утиль в Китай и Южную Корею, остались только пивные ларьки и газетные киоски... Этакое мелкое средство воздействия на умы людские. По-крупному воздействовать уже некому и нечем.

Письменники передрались мертво – до сих пор, без малого два десятка лет в воздухе летают выдранные волосы, перья, располосованные тряпки, клочья одежды, да выбитая из ноздрей простудная жидкость красного цвета... Телевидение опустилось до уровня рядового

куратника, а штатные идеологи, ратовавшие когда-то за советскую власть, развернулись на сто восемьдесят градусов и ратуют теперь за власть совсем иную...

Верников неожиданно улыбнулся – а что! – такая обстановка ему нравится. В ней он себя чувствует очень даже вольготно... Лучше, чем карась в воде. Если бы такая обстановка сложилась в России в пору верниковской молодости, он жил бы сейчас совсем в иных условиях и ему оказывали бы совсем иные почести.

Он вздохнул, попытался уснуть, но сна по-прежнему не было.

1 января. Контрольно-следовая полоса. 00 час. 35 мин.

Побарахтавшись несколько минут в яме, Удачливый Ли наконец снова нашел твердую точку – уперся ногою в невидимый корень, попытался устоять на нем, но шевельнулся неловко и соскользнул с него, вновь пополз вниз – медленно-медленно, по сантиметру, по полсантиметра, застонал от отчаяния, в следующий миг задержал в себе дыхание – сделал это вовремя, – и остановился.

Замер на несколько мгновений – понял, что если он шевельнется, дрогнет хоть бы одним мускулом – снова поползет вниз, в свою могилу.

Где-то далеко наверху, в пугающей высоте грохотал ветер, выла поземка, кружилась в стремительном вихре, вместе с нею кружилось и взбудораженное пространство. Удачливому Ли чудились задавленные человеческие вскрики, временами он слышал даже выстрелы, но все это были фокусы скоротечно поднявшейся пурги.

А вот в двадцатые годы здесь действительно каждую ночь трещали выстрелы и, как читал Ли, полыхала настоящая война. Сейчас от нее даже воспоминаний не осталось, – если только в старых книгах, в сегодняшних русских книгах речь идет уже совсем не о том... Удачливый Ли вздохнул, прислушался к далекому, словно бы смазанному расстоянием грохоту пурги.

Ноги, неподвижные, сжатые отвердевшим снегом, стали снова мерзнуть, штаны прилипли к бедрам, к икрам, к низу живота, – холод начал пробираться Удачливого Ли до костей.

Ли попробовал подтянуть к себе одну ногу – ту, которая повисла в снеговой воронке, словно бы в пустом пространстве, но не смог сдвинуть ее с места – нога примерзла... Удачливый Ли застонал.

Попробовал поднять вторую ногу, пошевелить ею, но и вторая нога вмерзла в снег, стала неподвижной. По лбу Удачливого Ли пополз холодный пот.

Он втянул голову в плечи, подышал перед собой, стараясь расплавить снег, подступивший к лицу, окутался паром. В ушах стоял противный звон, словно бы в череп ему всадили тонкий зубной бур и теперь испытывали голову на прочность.

1 января. Контрольно-следовая полоса. 00 час. 39 мин.

След нарушителя лейтенант Коряков все-таки обнаружил. Едва различимый, засыпанный стеклистой мерзлой крупкой. Лейтенант обрадованно осветил его фонарем, через несколько метров нашел еще одну отметину, отчетливо выделившуюся на оглаженной поверхности контрольной полосы, – это была глубокая выковырина с высокими бортами: нарушитель на бегу перепрыгнул через широкий снеговой хвост и понесся дальше, а отметина осталась. До берега Суйфуна было рукой подать.

– За мной! – просипел Коряков, обращаясь к напарнику. – Пускай по следу собаку.

Найда прошла метров двадцать и жалобно заскулила – след нырнул под полосу снега и там терялся.

– Вот блин! – выругался Коряков, присел. – Блин Клинтон и две тысячи других блинов!

– Не упустить бы нам этого гада! – обеспокоенно прохрипел Лебедеенко.

– Не упустим. Ему так же плохо, как и нам.

– С той только разницей, что он знает, где мы находимся, а вот где находится он, мы даже представления не имеем.

– Вумный ты, Лебеденко, как вутка. И не таких нарушителей брали под белые руки. Раньше сюда криминальная публика ходила целыми бандами, ты это знаешь...

– Слышал, товарищ лейтенант.

– Про есаула Свечина слышал?

– Слышал.

– А про полковников Емлина и Овечкина?

– И про этих слышал.

Есаул Свечин действовал когда-то в Кавказском районе: ночью налетал на села, комбедовцам на спинах рисовал ножом звезды, из живота вырезал ремни – в общем, веселился, как мог, пока в один из темных апрельских вечеров не столкнулся с пограничниками. Свечин первым получил пулю в лоб и свалился под копыта своего коня. В несколько минут еще несколько человек из свечинского окружения также легли на землю, лишь один из них подергал немного ногами и затих – разили непрошенных гостей наповал.

Оставшиеся в живых свечинцы вломились в чашу и, сшибая с деревьев ветки, распугивая пристроившихся там на ночь птиц, бежали. Настигли их уже на границе, около села Константиново, – там положили оставшихся, ни один не ушел.

На этом дело не кончилось. Рассчитаться за Свечина из Китая прискакал подпоручик Новицкий, родственник есаула. Прошелся по селам, убил несколько человек – в основном, сотрудников сельсоветов, да красноармейцев-отпускников, а потом в пади Джунихи устроил засаду.

Знал подпоручик, что в пади регулярно появляются пограничники, решил подловить наряд. В засаде просидел три дня и дождался-таки: в Джунихе появился наряд на лошадях. Все решили быстрота, напор, смекалка – в общем, лучшие суворовские качества: кто лучше усвоил заветы великого Александра Васильевича, тот и на коне...

Подпоручик Новицкий даже пистолет не успел снять с предохранителя, как на него опустился клинок пограничника Костина, рассадил офицера почти до кобчика: одна часть туловища повалилась в одну сторону, вторая в другую.

Когда нет главного в строю – строй обязательно рассыпается, так и в этот раз. Одни побежали в деревню Софье-Алексеевку, расположенную в девяти километрах от пади, другие – к границе. В результате уйти не удалось никому – все спутники Новицкого были перебиты. Кроме, как помнил лейтенант, некого Щербакова, помощника Новицкого. Щербаков поспешно вздернул руки кверху, тем и спасся.

Емлин и Овечкин тоже немало пролили чужой крови в здешних местах – речки были красными, в заводях плавали трупы.

Овечкина застрелил в бою Марк Решетников – бывший командир партизанского отряда, Емлину повезло – сумел уйти в Китай, там и растворился.

А однажды пограничный наряд обнаружил на Сунгане, в устье реки, где водились огромные серебряные караси, группу белокитайцев – они забрались на маковые плантации корейцев и поспешно обдирали стебли – урожай этот надо было собрать как можно скорее.

Наряд, в котором было всего три человека, с ходу врзался в заросли мака. Командир наряда бросил в китайцев гранату, уложил сразу шесть человек. Всего нарушителей-китайцев было, как потом выяснилось, более трехсот – прилично, как говорят в таких случаях.

Нарушители бросились к Сунгану, в воду. Одиннадцать человек пошли на дно – не справились с течением. Пограничники забрали лошадей, которых китайцы отняли у местных жителей, продукты, также отнятые в русских селах, на волокуши уложили брошенные винтовки и боеприпасы и с песней вернулись домой.

Вот такие раньше были воины. Не то, что сейчас, когда полковники прячутся за спины рядовых. Те, кто побывал в Чечне, в тамошних переделках, говорят: офицеры до майора включительно – нормальные мужики, живут интересами солдат, защищают их, хлебом делятся, соль предлагают, но стоит им подняться чуть выше, до двух подполковничьих звезд – все, отдаляются от солдат настолько, что даже в бинокль не разглядеть. Хоть людей этих в фуражках с высокими немецкими тульями (похоже, министр, который утвердил эти двухэтажные тульи, был карликом, поэтому в армии и ввел высокие каблуки на сапогах – как у дам-с, фуражки в два яруса, оловянный начальственный взгляд, чтобы сразу было видно, что идет полковник – и воровство, как официально утвержденное деяние) в телескоп рассматривай.

Не хотелось Корякову быть когда-нибудь таким полковником.

Многое помнят здешние места, если собрать все – получится большая книга.

Коряков ползая по снегу, по полосе и, помяв что-то в пальцах, даже понюхав, словно бы свежий неприятный снег этот мог пахнуть чем-то еще кроме снега, подозвал к себе Лебеденко.

– Нарушитель ушел туда, – он ткнул пятачком в крутящуюся злую темноту, исчерканную неряшливыми серыми перьями, шарахающимися то в одну сторону, то в другую, способными сбить с толку кого угодно. Лебеденко взгляделся в недоброе, хаотично шевелящееся пространство и сказал:

– Да, он там, товарищ лейтенант! Точно там!

1 января. Дорога на заставу № 12. 00 час. 40 мин.

Отец Лены, в прошлом врач, долго проработал в городской больнице, а потом, скрученный ревматизмом и прочими костными хворями, был вынужден уйти со своего места: ведь работа хирурга – это занятие стоячее, а он более двадцати минут стоять у операционного стола уже не мог. Обидно было, но Ленин отец научился стоически переносить удары жизни и не роптать, смиряться с тем, что та преподносит, – занялся домом, небольшим дачным участком, в котором, выращивал помидоры «бычье сердце» редкостного размера и веса – в два килограмма, вывел также сорт золотисто-желтых, словно бы внутри наполненных светом мелких помидоров, похожих на сливы, – произошло это случайно; на скудные свои сбережения купил справную японскую машиненку с правым рулем, но когда начались гонения на «правый руль», он, чтобы не трепать себе остатки нервов, продал ее, купил обычный отечественный «жигуль».

Хотя можно было оставить и «японку» – весь Дальний Восток продолжал ездить на «правом руле»; как-то, от нечего делать, Лена посчитала – в Уссурийске из десяти машин только две имеют нормальный левый руль, в основном эти автомобили наши, все остальные – «правяки», подержанные «японцы», привезенные сюда с островов...

Если бы Лену спросили в упор, нравится ли ей Саня Коряков или нет, и попросил бы дать такой же прямой, в лоб, ответ, она с ответом точно затруднилась бы.

И да, и нет.

Неожиданно впереди в свете фар возникло яркое рыжее пятно, – это была лиса, – Лена, загораясь в азарте, нажала на педаль газа, лиса поспешно метнулась в сторону и исчезла за ближайшим сугробом, а Лена, въехав в хвост снега, наметенный на дорогу, чуть не перевернулась: жигуленок на полном ходу, пофыркивая хорошо отлаженным мотором, всадились в твердый хвост, выбил из-под себя целую копну серого жгучего снега, остановился и опасно приподнялся над дорогой зад.

Лена повисла на ремне – хорошо, что была привязана, – невольно вскрикнула, замерла на несколько мгновений – ремень перехлестнул ей дыхание, больно сдавил грудь, в горле застрял сбившийся в комок воздух, а перед глазами запрыгали мелкие красные брызги.

Две или три секунды машина кренилась на нос, грозя встать на попа, потом в ней что-то сдвинулось, словно бы переместился центр тяжести, и жигуленок пополз назад, хлопбытнулся на оба задних колеса.

Мотор машины заглох.

С полминуты Лена сидела за рулем неподвижно, стараясь понять, что же с нею произошло, где она допустила ошибку, – про лису Лена уже не помнила, потом помяла пальцами виски и, распахнув сумку, достала спиртовую салфетку, отерла лицо, глубоко вздохнула, словно бы собиралась нырнуть в холодную воду, и двинулась дальше.

1 января. Станция Гродеково. 1 час 00 мин. ночи

Верникову по-прежнему не спалось, тяжелый гул, наполнивший голову, сполз куда-то в затылок, вдавил череп в подушку; он тщательно жмурил глаза, сдавливал их, считал про себя слонов – «один слон, два слона, три слона» – до ста и обратно, но ничего не помогало, и он, вздыхая, пусто вглядывался в темноту и, хорошо зная, что старость – не радость, вспоминал прошлое.

В молодые годы он жил здесь, в этих краях, имел несколько охотничьих избушек, потом уехал на запад, с тачкой работал на Магнитке, строил социализм, затем охранял лес в Белоруссии, разводил зубров в Беловежской пуще – той самой, сыгравшей зловещую роль в развале великой страны, впрочем, Верникова это трогало мало, с той страной у него были свои серьезные счеты, – зимовал на Памире среди метеорологов, и уже в старости, седой, никем не узнаваемый, вернулся назад, в места своей юности.

Впрочем, кое-кто узнал его – бывший урядник-семеновец из туземной сотни Бембеев, монгол-барга, встретил как-то Верникова на оптовом базаре в Уссурийске, потянул за рукав:

– А ты, брат, не стареешь совсем, – сказал он, – ничуть не изменился.

– Это только в твоих глазах не изменился, Африкан, – Верников усмехнулся кисло, – спасибо тебе. А вообще-то меня никто, ни один человек еще не узнал, все смотрят, как на незнакомого, – Верников откашлялся. – Чем занимаешься? Социализм строишь?

– С пчелами на пасеке сижу.

– Надо бы медку у тебя натурального, – не искусственного, китайского, – купить.

– Приходи, я тебе без всяких денег трехлитровую банку наполню.

Верников записал на бумажке, где находится пасека Африкана, но потом бумажку эту потерял – засунул куда-то, или она сама растворилась в домашнем хламе, так что сладким медом Африкана Бембеева он не попользовался... А может, оно и к лучшему, что бумажка затерялась. Кто знает?

Больше Верникова никто не узнал – ни в Уссурийске, ни во Владивостоке, ни в Полтавке, ни в Китае, куда он на старости лет совершил пару челночных поездок.

Сейчас люди пошли не те – те, что были раньше, перевелись. Раньше даже для того, чтобы стрелять метче, под мушки винтовок подставляли свечку, чтобы мушка закоптилась... Тогда цель становилась видна лучше.

Ныне этого никто не делает. Патронов много, автоматы покорно рассеивают пули по пространству, словно семечки, прицеливаться особо не надо – веди стволом перед собой, и все.

А в пору верниковской молодости народ был штучный, ручного производства, ныне же людей просто снимают с конвейера, они бывают похожи друг на дружку, как шайбы, нарезанные с одной заготовки.

Верников подтащил к себе вторую подушку, лежащую рядом, натянул на голову: может быть, так удастся уснуть, с подушкой на голове? Есть люди, которым эта фига на макушке помогает... Вообще Верников всегда завидовал тем, кто умеет засыпать мгновенно, легко, – ему так заснуть не удавалось ни разу в жизни, все время он засыпал тяжело, с болью в висках, с щемлением в сердце.

Он зажато вздохнул – вот жизнь нескладная!

Вновь сосредоточенно, медленно, с трудом двигая губами, начал считать:

– Один слон... два слона, три слона... – Нет, сон не шел.

В самый канун Нового года, тридцатого числа, Верников выступал в двух сельских школах – вначале в одном селе, потом в другом, рассказывал про свою мятежную юность, когда спать приходилось с винтовкой в обнимку, да еще под подушкой держать наган на боевом взводе, ибо в критические моменты, когда приходилось оказываться лицом к лицу с врагом, все решали не секунды, не мгновения, а краткие миги, опережающие скорость звука – кто быстрее выстрелит, тот и окажется победителем.

У Верникова была ослепительная реакция – он стрелял быстрее других. Потому и остался жив.

– Потому я и остался жив, – пробормотал он слипающимися губами – сон, кажется, наконец-то начал брать его, – потому и остался жив...

Уже уснув, – во сне, тусклом и тревожном, – он вновь начал думать о себе и своем прошлом. В конце концов он может уже не таиться, прошлое осталось позади, бояться ему теперь нечего, те люди, которых надо было бояться, находятся на том света. С того света они ни показаний дать не могут, ни отпечаточки пальцев прислать...

Недавно он услышал анекдот – в одной школе выступал участник Гражданской войны, которого представили как соратника легендарного Чапая.

– Расскажите о своих встречах с Василием Ивановичем Чапаевым, – попросили его любознательные школяры.

Ветеран вдохновенно огладил усы.

– Дело, значит, было так, – сказал он. – Лежу я за пулеметом, лента заправлена в патронноприемник, жду... Смотрю, через реку, через Урал кто-то плывет, ну, я приложился к пулемету, прицелился получше и дал очередь. Вот и все. Больше я с Василием Ивановичем Чапаевым не встречался.

Верников рассмеялся во сне. – ему все-таки удалось уснуть окончательно, – смех был хриплым, булькающим, словно бы он, как и Чапай, захлебывался в водах Урала...

1 января. Контрольно-следовая полоса. 1 час 10 мин. ночи

Удачливый Ли выбивался из сил – не мог выбраться из плена, ворочался в воронке, пробуя выдернуть то ногу, то руку, если ему удавалось освободить одно, то обязательно увязало другое, снег засасывал его. Корейцу казалось, что он попал в чей-то настырный жадный желудок и желудок этот сейчас перемалывал, переваривал его, еще немного, – и он превратит человека в жидкий помет, в блины, которые корова оставляет после себя на зеленом сочном лугу... Он застонал.

Переведя дыхание, на несколько минут застыл – надо было отдышаться, собрать себя «в кучку», как говорят русские – это выражение Удачливый Ли услышал в Хабаровске, оно ему понравилось, – понять, что делать дальше.

Похоже, он попал в ситуацию безвыходную.

Он подтянул ко рту одну руку, затянутую в плотную, от пота сделавшуюся заскорузлой перчатку, подышал на нее. И хотя теплый слабый пар не проник сквозь кожу, Удачливому Ли показалось, что пальцам сделалось теплее.

Как хотелось бы ему сейчас очутиться в Сеуле, в тамошнем тепле, посидеть в дорогом «Харигаке», в котором кормили Путина, и выпить водки «Сан Су Ю», изготавливаемой из риса и фруктов... Удачливый Ли застонал вновь. На глазах у него проступили слезы, он сморгнул их, но оказалось, что сбил он с ресниц только чуть влаги, самую малость, большая часть слез осталась, прилипла к ресницам, жгла теперь глаза. Ли всхлипнул опять – жалко ему было себя.

Неожиданно где-то далеко прозвучала и оборвалась человеческая речь, очень тихая, но отчетливая. Удачливый Ли напрягся, чтобы услышать ее снова, понять, о чем говорят люди, но голос тот больше не раздался, увял, вместо него наверху пьяно, куражливо загоготал ветер,

сгреб с земли грузное беремя снега, разбойно запузырил его вверх, в небо и поспешно унесся в сторону, там тормознул, замер – интересно было, как тяжелое беремя это грохнется на землю.

Беремя грохнулось так, что Удачливый Ли, рассчитывавший хоть немного вскарабкаться вверх, придвинуться к горловине воронки, ухнул вниз, в прокаленное холодное нутро и замер там неподвижно, боясь пошевелиться.

Что угодно он ожидал, но только не этого, не капкана...

Спасти Удачливого Ли теперь могли только русские пограничники, больше никто, – Ли слышал, что если они засекают нарушение нейтральной полосы или что-нибудь в этом духе, то пока не докопаются до причины, до того, почему сработала тревога, не отступаются, вот на это упрямство русских пограничников теперь Удачливому Ли только и оставалось надеяться...

1 января. Контрольно-следовая полоса. 1 час 15 мин. ночи

Коряков продолжал искать нарушителя, он был твердо уверен – этот деятель находится где-то рядом, совсем рядом... чуточку везения, чуточку беготни, чуточку работы серого вещества, чуточку усталости, чуточку сожаления, что новогодняя ночь испорчена, – и он дотянется до паршивца... Но пока похвастать было нечем, и смутное ощущение вины усиливалось в Корякове.

Плюс ко всему, он был виноват перед Леной. Коряков был уверен, что она приедет на заставу... Приедет и не обнаружит его. Хотя Коряков предупредил всех, кого только можно, что к нему приедет девушка: и дежурного по заставе, и наряд, который пропускает посетителей в погранзону, и солдатиков, приставленных к «щеколде» – тех, что стоят непосредственно на воротах заставы, поднимают и опускают полосатый шлагбаум.

Она приедет обязательно... Обязательно!

В конце концов город Уссурийск находится не так уж далеко от заставы.

Лейтенант ощутил, что у него жаром полыхнуло лицо, на бегу нагнулся, подхватил в перчатку немного снега, растер им щеки. Холодные остатки швырнул себе под ноги, отрезвленно помотал головой. Жар отступил.

Рядом почти беззвучно бежал Лебеденко. Коряков, глядя на его большое, внешне неповоротливое, неуклюжее тело, удивлялся, как же этот парень умеет преображаться в пиковые минуты, и собака его тоже сделалась беззвучной и почти невидимой, неслась по воздуху, будто плыла.

Конечно, Лена обязательно появится на заставе...

Коряков остановился, огляделся.

Вокруг по-прежнему выло, грохотало пространство, словно бы неподалеку, совсем рядом перемещалась, меняя дислокацию, танковая дивизия, на зубах скрипел лед, ноздри обжигал ветер. На земле – ни одного следа.

И все-таки нарушитель был, и его предстояло найти. Он находился также рядом. Коряков вгляделся в темноту – не мелькнет ли там что? Нет, ничего не видно. И никого, ни друзей, ни врагов.

Солдат, которые ехали с Коряковым в одной машине, также не было видно. И слышно не было – все забивал грохот нарастающей пурги.

Вообще-то группы, когда случается сработка, забрасывают на контрольно-следовую полосу с таким расчетом, чтобы днем пограничники видели друг друга, а ночью – друг друга слышали, чтобы существовала хоть какая-то связь кроме радио – это раз, и два – чтобы можно было прийти на помощь. Сейчас же, если даже человек будет стоять совсем рядом, в двух метрах, его невозможно ни увидеть, ни услышать...

В спину Корякову шибанул ветер, надавил с такой силой, что лейтенант едва устоял на ногах.

Над Коряковым грузно навис Лебеденко, запаренно дохнул в ухо:

– Куда дальше, товарищ лейтенант?

Коряков ткнул пальцем в темноту, в рябое мечущееся пространство, где находилась река:

– Туда!

1 января. Контрольно-следовая полоса. 1 час 20 мин. ночи

Удачливый Ли замерзал. Снег вокруг его тела уплотнился, словно бы корейца зарыли в могилу, сверху нахлобучили тугой холмик, потопали по макушке холмика сапогами, похлопали лопатами, запрессовали, – и ногу уже поднять нельзя, и рукой двинуть нельзя, – жадный, колдовской, очень ненасытный желудок некоего ледяного чудовища продолжал всасывать тело попавшегося в ловушку человека в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.